1
182.

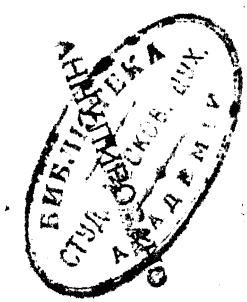
3
598

И. И. Ягодинскій
Приватъ-доцентъ Казанскаго Университета.

Лейбницъ и его корреспонденты

до 1695 года.

№ 16028.



B

„Пров 38"

ПРОВ. 1957

Пр.

647
2

Библиотека ООН
Академии Наук

020
41

Школьные годы Лейбница.

Тѣмъ, кто занимается изученіемъ переписки Лейбница, часто приходится обращаться къ его біографіи, въ связи съ которой переписка дѣлается понятнѣе. Разработывая матеріалъ, относящійся въ корреспонденціи Лейбница ко времени до 1695 года, мы вкратцѣ изложимъ біографію философа до момента, когда онъ печатно выступилъ авторомъ своей системы. Съ одной стороны это позволитъ намъ рельефнѣе выяснить значеніе каждаго корреспондента въ умственномъ развитіи Лейбница, съ другой это дастъ намъ возможность при случаѣ съ бо́льшимъ удобствомъ дѣлать нужныя ссылки въ дальнѣйшихъ работахъ.

Лейбницъ родился 21-го іюня 1646 года въ Лейпцигѣ. Отецъ его, профессоръ и адвокатъ, былъ женатъ на дочери профессора юриста. Такимъ образомъ, Лейбницъ получилъ первоначальное воспитаніе въ ученой семьѣ. Семья эта была протестантской, что особенно слѣдуетъ замѣтить, ибо протестантизмъ того времени на первый планъ ставилъ вѣру и не

былъ лишенъ извѣстной степени экзальтаціи [1]). Шести лѣтъ, по смерти отца, Лейбницъ былъ отданъ въ школу, гдѣ занимались изученіемъ преимущественно латинскихъ классиковъ. Восполняя односторонность такихъ занятій чтеніемъ разнообразныхъ, преимущественно историческихъ, книгъ Лейбницъ такъ основательно изучилъ латинскій языкъ, что въ тринадцать лѣтъ могъ писать латинскіе стихи. Когда онъ дошелъ до класса, въ которомъ проходилась логика, то знакомство съ нею произвело переворотъ въ его занятіяхъ [2]). Ему показалось, что логика есть ключъ ко всѣмъ человѣческимъ познаніямъ. Онъ хотѣлъ, говоритъ его біографъ [3]), „изобрѣсти азбуку человѣческихъ мыслей, то есть подраздѣлить всѣ понятія и истины на группы и каждую изъ этихъ группъ обозначить особымъ знакомъ, чтобы потомъ посредствомъ сочетанія и анализа этихъ знаковъ открывать новыя истины и понятія“. Это увлеченіе логикой замѣнило Лейбницу занятія математикой, отсутствіе которой въ школьномъ образованіи того времени было очень ощутительно. Логика также открыла Лейбницу доступъ къ изученію схоластиковъ, отъ которыхъ не трудно было перейти къ чисто богословскимъ спорамъ, бывшимъ тогда въ большой модѣ. Лейбницъ заинтересовался вопросомъ о свободѣ воли, стараясь примирить наличность сознанія свободы выбора въ волевомъ процессѣ съ общепризнаннымъ положеніемъ, что міръ управляется провидѣніемъ [4]). Въ школьный періодъ жизни, какъ и впослѣдствіи, своими знаніями Лейб-

---

[1]) В. Герье. Лейбницъ и его вѣкъ. Журналъ Министерства Нар. Просв. CXXXIII, 305. Сочиненіе Герье было издано отдѣльной книгой, но мы не могли ее достать.

[2]) Ib. 314.

[3]) Ib. 315 Смотри также: G. W. Freiherr von Leibnitz. Eine Biographie Von G. Guhrauer. Breslau. 1846. Erster Theil, p. 15 etc.

[4]) Ж. М. Н. П. CXXXIII, 3 16.

ницъ былъ обязанъ, главнымъ образомъ, своей любознательности и способности къ труду. Лейбницъ самъ называлъ себя самоучкой.

По выходѣ изъ школы весною 1661 года Лейбницъ поступилъ въ университетъ, на юридическій факультетъ. Всѣ поступающіе должны были сначала слушать лекціи на философскомъ факультетѣ, что бы, по достиженіи званія баккалавра и магистра философіи (artium liberalium), имѣть право держать экзаменъ на степени юридическія, богословскія и медицинскія [1]). Лекціи философскаго факультета имѣли обще-образовательный характеръ. Онѣ были посвящены математикѣ, физикѣ, исторіи и географіи. Одною изъ выдающихся особенностей жизни тогдашнихъ ученыхъ было отсутствіе спеціализаціи. Одинъ и тотъ же профессоръ читалъ и логику, и этику, и астрономію [2]). Таковъ былъ обычай, существовавшій до реформаціи и остававшійся въ университетахъ долго время послѣ нея.

Сдѣлавшись студентомъ, Лейбницъ началъ дѣятельно продолжать свое школьное образованіе. Лекціи по философіи онъ слушалъ у Шерцера и Якова Томазія. Первый былъ богословомъ и представителемъ древней схоластики, второй былъ ея критикомъ. Лейбницъ очень уважалъ Томазія и впослѣдствіи велъ съ нимъ переписку. Такимъ же уваженіемъ пользовался у Томазія и Лейбницъ. По словамъ Герхардта [3]), даже письма Лейбница къ Томазію, остались для насъ только

---

[1]) Ib. 317.

[2]) Ib. 349.

[3]) E. I. Gerhardt. Die philosophischen Schriften von G. W. Leibniz. I, 6. Въ дальнѣйшемъ изложеніи ссылки на это изданіе, въ отличіе отъ изданія математическихъ сочиненій Лейбница, будутъ означаться сокращенно.

благодаря заботливости послѣдняго. Онъ собственноручно снялъ съ нихъ копіи, которыя были открыты въ его бумагахъ. Въ недавнее время въ городской библіотекѣ въ Дижонѣ найдена книга [1]) Томазія, дающая понятіе о томъ, какихъ онъ былъ взглядовъ и чему училъ въ Лейпцигѣ съ кафедры. Книга представляетъ собраніе „вступительныхъ рѣчей", читанныхъ Томазіемъ по случаю 85 тезисовъ, защищавшихся въ университетѣ въ промежутокъ съ 1645 по 1679 годъ. Рѣчи эти очень разнообразны. Съ перваго раза въ нихъ однако бросается въ глаза желаніе поддержать соединеніе философіи и теологіи, знанія и вѣры. Въ началѣ XVII вѣка былъ поставленъ вопросъ: есть-ли Богъ случайная причина грѣха? Теологи рѣшали его отрицательно, философы положительно [2]). Томазій подчинялъ разумъ вѣрѣ; его постояннымъ стремленіемъ было осуждать всѣ ученія, которыя были не вполнѣ согласны съ христіанской догмой. Въ вопросѣ о происхожденіи души онъ держался традуціонизма потому, что это мнѣніе, по его словамъ, „лучше вело къ спасительному сознанію первороднаго грѣха" [3]). Онъ также думалъ, что человѣкъ имѣетъ вѣрное, естественное и непосредственное познаніе о себѣ самомъ, которое обще у него съ животными. Это познаніе не то, что можетъ дать наука. Есть познаніе болѣе глубокое, основанное на разумѣ. Послѣднее однако часто бываетъ ошибочнымъ, вслѣдствіе порочныхъ предрасположеній, которыя грѣхъ

---

[1]) Приводимъ заглавіе книги: «M. Iacobi Thomasii miscellanea varii argumenti maximam partem ex historia litteraria, ecclesiastica, prophana, aliusque selectis materiis ob rerum dignitatem in unum librum collecta». Revue philosophique. Troisième année. VI, 483. Статья нашедшаго эту книгу Henrie Joly: «Thomasius et l'université de Leipzig pendant la jeunesse de Leibniz».

[2]) Ib. 484.

[3]) Ib. 485.

нашихъ прародителей заставляетъ развиваться въ насъ съ самаго рожденія. На природу человѣческой души Томазій держался того взгляда, что она безсмертна и соединена съ тѣломъ, какъ форма, властвующая своей матеріей. Если грѣхъ Адама простираетъ свои дѣйствія на души потомковъ, благодаря рожденію тѣлъ, съ которыми эти души соединены, если съ другой стороны теологія намъ доказываетъ, что тѣло должно воскреснуть и что того хочетъ порядокъ, установленный Богомъ, то ясно, что между душой и тѣломъ есть тѣсная связь и что въ способѣ существованія, который намъ свойственъ, ни одно изъ двухъ не можетъ существовать безъ взаимной помощи [1]). Таковы въ общихъ чертахъ были главныя мысли догматики Томазія. Въ остальныхъ отдѣлахъ философіи онъ самъ признавалъ себя слабымъ. Онъ критически относился къ Гоббсу, Гассенди и Декарту [2]), не любилъ схоластики—„этой рабыни Аристотеля и папъ“, указывалъ на факты, подтверждавшіе, что въ угоду церкви уродовались мнѣнія Аристотеля. Все это не мѣшало ему защищать ученіе о субстанціальныхъ формахъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ человѣку: душу человѣка, какъ мы видѣли, онъ считалъ субстанціальной формой его тѣла. Исторія философіи, которую Томазій впервые въ Германіи сталъ разработывать истинно научнымъ методомъ, имѣла подъ его перомъ аналитическій и критическій характеръ. Ея достоинства заключались въ возможныхъ для той эпохи точности, обширности и научности [3]).

Плодомъ занятій подъ руководствомъ Томазія была первая диссертація Лейбница на степень баккалавра философіи De prin-

---

[1]) Ib. 488—489.

[2]) Ib. 495.

[3]) Ib. 497.

cipio individui, защищенная весною 1663 г. Эта диссертація должна была показать образчикъ эрудиціи молодого автора, свидѣтельствовать о его знаніяхъ въ области схоластической литературы и объ умѣніи пользоваться діалектическимъ методомъ [1]). Въ это время произошелъ переворотъ въ убѣжденіяхъ Лейбница. Знакомство съ новыми писателями и критика Томазія оттолкнули его отъ схоластики, путешествіе въ Іену заставило его порвать со схоластикой навсегда.

Лейбницъ—секретарь и частный ученый.

Обычай посѣщать нѣсколько университетовъ укоренился въ Германіи еще въ средніе вѣка. Послѣ защиты диссертаціи, на лѣтній семестръ 1663 г. Лейбницъ перешелъ въ Іену, вѣроятно, ради математики, представителемъ которой тамъ выступалъ тогда Эдгардъ Вейгель. Впрочемъ, онъ слушалъ также юридическіе и историческіе курсы у Фолькнера и Базіуса. Вейгель былъ полигисторомъ. Въ философіи онъ, подобно Якову Томазію, старался очистить ученіе Аристотеля отъ схоластическихъ наслоеній и примирить съ его ученіемъ теоріи новѣйшей физики [2]). Какъ математикъ, Вейгель усиленно пропагандировалъ примѣненіе математическаго метода къ наукѣ. Онъ вводилъ его и въ этику, и въ богословіе, и въ право. Прослушавъ семестръ, Лейбницъ вернулся на родину. Здѣсь онъ посвятилъ себя спеціальнымъ занятіямъ юриспруденціей, и благодаря дружбѣ съ однимъ асессоромъ надворнаго суда, получилъ доступъ къ практическому изученію права—обстоятельство, научившее его основательно владѣть литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ письменно и устно [3]). Въ

---

[1]) Ib. См. также: Leibniz. by John Merz. Edinburg and London. 1889, p. 15.

[2]) Ж. М. Н. Пр. CXXXIII, 365.

[3]) Ib. 367.

1664 году Лейбницъ защитилъ диссертацію на степень магистра философіи Specimen difficultatis in jure; въ 1665 г. онъ написалъ и защитилъ другое сочиненіе Specimen certitudinis in jure,—оба эти произведенія, изданныя въ 1672 году подъ общимъ заглавіемъ Specimina juris, заключали двѣ главныхъ идеи: во первыхъ, идею о необходимости введенія въ изученіе права философскихъ принциповъ; во вторыхъ, идею о необычайной полнотѣ ученій и силѣ мысли древнихъ юристовъ, давшихъ такъ много матеріала, что его остается только систематизировать [1]). Весной 1666 года Лейбницъ защищалъ диссертацію pro loco, для пріобрѣтенія права на занятіе мѣста въ философскомъ факультетѣ. Это было сочиненіе, которое онъ впослѣдствіи обработалъ и издалъ подъ заглавіемъ—De arte combinatoria [2]). Теорія соединеній, позволявшая въ математикѣ отыскивать комбинацію извѣстнаго числа элементовъ, казалась Лейбницу вполнѣ пригодной для подобнаго же процесса въ области наукъ вообще. De arte combinatoria была книгой, продолжавшей занятія Лейбница относительно „алгебры человѣческихъ понятій“, которой онъ увлекся при первомъ знакомствѣ съ логикой.

Въ 1666 г. минуло 5 лѣтъ, какъ Лейбницъ поступилъ въ университетъ. Обычай позволялъ ему искать докторской степени, но обстоятельства сложились для этого неблагопріятно. Онъ покинулъ Лейпцигъ и мѣстомъ пріобрѣтенія докторской степени избралъ Альтдорфъ. Его экзаменъ и диспутъ обратили на себя всеобщее вниманіе; его диссертація De casibus perplexis имѣла большой успѣхъ [3]). Коммис-

---

[1]) Merz, 17.

[2]) Ж. М. Н. П. CXXXIII, 368.

[3]) В. Герье такъ излагаетъ содержаніе этой книги. Лейбницъ по его словамъ, «разбиралъ вопросъ, какими принципами слѣдуетъ руководствоваться при рѣшеніи запутанныхъ случаевъ, то есть, когда въ пользу той

сія, которая завѣдовала учебной частью Нюренбергской республики, гдѣ находился Альтдорфъ, предложила ему мѣсто въ альтдорфскомъ университетѣ. Лейбницъ отказался. Жизнь кипѣла въ двадцати-лѣтнемъ юношѣ, и ему не хотѣлось посвящать своего существованія какой нибудь одной спеціальности. Лейбницъ былъ непосѣда. Онъ жаждалъ знанія, а полученное имъ въ то время послѣ матери, смертью которой онъ былъ не особенно огорченъ, небольшое наслѣдство способствовало этой его склонности. Онъ переѣхалъ въ Нюренбергъ, гдѣ та же любознательность завела его въ общество алхимиковъ Розенкрейцеровъ, которые старались изобрѣсти способъ выдѣлывать золото. Знакомство съ алхиміей принесло впослѣдствіи Лейбницу большую практическую пользу: оно открыло ему доступъ ко многимъ вліятельнымъ лицамъ—алхимія была модной наукой и ею занимались при многихъ германскихъ дворахъ.

Въ Нюренбергѣ Лейбницъ познакомился съ бывшимъ министромъ Майнцскаго курфирста Шёнборна—барономъ Бойнебургомъ. Встрѣча произошла случайно за общимъ столомъ въ гостиницѣ. Бойнебургъ пригласилъ Лейбница переселиться во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ жилъ самъ. Лейбницъ принялъ предложеніе.

Баронъ Іоаннъ Бойнебургъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ людей XVII вѣка. Фран-

---

или другой стороны представляются одинаково важныя соображенія. Онъ отвергалъ мнѣнія тѣхъ, которые говорили, что въ такихъ случаяхъ нужно ничего не постановлять (non liquet), а равно и мнѣніе ихъ противниковъ, утверждавшихъ, что рѣшеніе нужно предоставить жребію или личному взгляду судьи. Лейбницъ полагалъ, что въ такихъ случаяхъ нужно прибѣгать къ естественному и обще-народному праву, ибо всякое положительное законодательство есть извѣстное видоизмѣненіе естественнаго права, и потому пробѣлы его слѣдуетъ пополнять изъ общаго источника, основаннаго на чистомъ разумѣ». Ib. 369.

цузскіе дипломаты практической школы Мазарини отзывались съ большимъ уваженіемъ объ его умѣ и способностяхъ. Онъ получилъ отличное образованіе и навсегда сохранилъ горячій интересъ къ наукѣ и литературѣ [1]). Неудача въ политической дѣятельности, обвиненіе въ измѣнѣ, будто бы совершенной имъ противъ архіепископа Шёнборна, у котораго онъ находился на службѣ, заставили его удалиться въ частную жизнь и, ради удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей,—человѣкъ развитой и любознательный, онъ велъ переписку съ лучшими изъ современныхъ ученыхъ. Нѣкоторое время спустя послѣ своего удаленія, онъ снова сблизился съ архіепископомъ и изъ Франкфурта переѣхалъ въ Майнцъ, куда взялъ съ собой и Лейбница. Первое время Лейбницъ не имѣлъ оффиціальнаго положенія [2]) онъ былъ секретаремъ и другомъ Бойнебурга, который вскорѣ представилъ его Шёнборну. Въ 1668 году Лейбницъ посвятилъ послѣднему небольшое сочиненіе: Methodus nova discendae docendaeque jurisprudentiae [3]). Шёнборнъ предложилъ ему сдѣлаться помощникомъ одного майнцскаго юриста Лассера, вмѣстѣ съ которымъ Лейбницъ опубликовалъ позднѣе книгу: Ratio corporis juris reconcinnandi. Въ ней онъ примѣнилъ методъ, изложенный имъ ранѣе: онъ составилъ родъ карты существенныхъ истинъ и аксіомъ права, черезъ комбинацію которыхъ, совершенно механически, надѣялся найти рѣшенія, всевозможныхъ юридическихъ вопросовъ [4]). Математическій методъ въ то время, съ легкой руки Декарта, вошелъ въ большую моду. Лейбницъ затѣвалъ даже издать цѣлую энциклопедію, въ ко-

---

[1]) Ж. М. Н. П. CXXXIII, 562.

[2]) Ib. 564. Guhrauer I, 49. Merz, 28.

[3]) Merz, 29.

[4]) Ib. 30.

торой большинство наукъ было бы изложено этимъ методомъ. Можетъ быть, какъ примѣръ, математическій методъ былъ примѣненъ Лейбницемъ въ сочиненіи, которое онъ написалъ въ сотрудничествѣ съ Бойнебургомъ, въ пользу кандидатуры пфальцграфа Нейбургскаго на польскій престолъ—Specimen demonstrationum politicarum pro Rege Polonorum eligendo. Бойнебургу принадлежало содержаніе этого сочиненія, а Лейбницу форма. Благодаря Бойнебургу, въ 1664 году появились также два другихъ сочиненія Лейбница Defensio Trinitatis per nova reperta logica—книга, направленная противъ социніанъ, непризнававшихъ Божественности Христа и Троицы, и Confessio naturae contra atheistos—статья, доказывающая необходимость бытія Божія и безсмертія человѣческой души.

Разнообразныя порученія, которыя Бойнебургъ давалъ Лейбницу, не отвлекали его отъ научныхъ занятій. Интересна характеристика Лейбница, оставленная Бойнебургомъ. „Это молодой человѣкъ, писалъ Бойнебургъ, двадцати четырехъ лѣтъ, родомъ изъ Лейпцига, докторъ юридическихъ наукъ. Онъ ученѣе, чѣмъ можно сказать или повѣрить. Философію онъ изучилъ до основанія и счастливо примиряетъ древнюю съ новой. Онъ математикъ, знатокъ физики, медицины, всей механики и совершенно преданъ этимъ наукамъ. Онъ трудолюбивъ и пылокъ. Въ религіи онъ независимъ... Философія права ему извѣстна и, что удивительно, также и практическое его примѣненіе“ [1]).

Примиреніе древней и новой философіи, на которое указываетъ въ письмѣ Бойнебургъ, было въ это время главнымъ занятіемъ Лейбница. Интересно оно было для него потому, что подобно Бекону, Гассенди и Декарту, онъ держался механическаго взгляда на природу и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ

---

[1]) Ж. М. Н. П. CXXXIII. 569.

игнорировать ученія Аристотеля. Новая и старая наука боролись въ Лейбницѣ. Плодомъ другихъ занятій Лейбница, соприкасавшихся съ первыми, явилось предисловіе къ изданію сочиненія Марія Низолія—итальянскаго философа эпохи возрожденія Antibarbarus seu de veris principiis et vera ratione philosophandi contra philosophos. Предисловіе это называлось Dissertatio de stylo philosophico Nizolii. Въ немъ Лейбницъ высказывалъ свои мнѣнія о способѣ излагать философскія идеи. Помимо точности и ясности, онъ рекомендовалъ опредѣленность и истинность, то есть заботу о томъ, что-бы выраженіе идей вполнѣ соотвѣтствовало ихъ сущности [1]), чему особенно способствуетъ употребленіе живыхъ языковъ. Лейбницъ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ, проводившихъ этотъ взглядъ и положившихъ начало ученой нѣмецкой литературѣ. Въ концѣ предисловія, указывая, что ошибки схоластиковъ Низолій приписывалъ Аристотелю [2]), Лейбницъ трактовалъ тотъ же вопросъ о согласованіи новой философіи со старой приводя объ этомъ выписку изъ своего письма къ Томазію.

Въ 1671 г. появилась написанная Лейбницемъ Hypothesis physica nova въ двухъ частяхъ. Theoria motus abstracti seu rationes motuum universales a sensu et phenomenis independentes и Theoria motus concreti seu hypothesis de rationibus phenomenarum orbis nostri. Гипотеза Лейбница заключалась въ томъ, что онъ объяснялъ явленія природы движеніемъ эфира, по направленію земной оси проникающаго во всѣ поры земныхъ тѣлъ. Этотъ трудъ послужилъ поводомъ къ перепискѣ Лейбница съ разными учеными.

---

[1]) Gerh. IV, 9.

[2]) Ib. 155.

Начало ученыхъ связей Лейбница и проэктъ покоренія Турціи.

Переписка Лейбница за это время вообще дѣлается болѣе обширной. Уже раньше Лейбницъ завелъ корреспонденцію съ Конрингомъ и Ольденбургомъ, теперь онъ началъ переписываться съ Оноре Фабри и Отто фонъ Герике. Германъ Конрингъ принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ людей XVII-го столѣтія. Онъ былъ свѣдущъ во всѣхъ областяхъ знанія: въ философіи, теологіи, исторіи, юриспруденціи и медицинѣ. Будучи извѣстенъ какъ политическій писатель, онъ славился и какъ государственный человѣкъ. По своей многосторонности, онъ былъ предшественникомъ Лейбница. Бойнебургъ послалъ ему сочиненіе послѣдняго Methodus nova discendae docendaeque jurisprudentiae и, благодаря этому, Лейбницъ вскорѣ вступилъ съ Конрингомъ въ переписку, сначала по вопросамъ юридическаго характера, а потомъ и по вопросамъ лингвистическаго и естественно научнаго содержанія [1]). Съ Ольденбургомъ у Лейбница завязалась переписка по слѣдующему поводу. Ольденбургъ былъ нѣмецъ, во время господства Кромвеля занимавшій въ Лондонѣ постъ консула отъ родного своего города Бремена. Потерявъ мѣсто, онъ принялся въ Оксфордѣ за изученіе наукъ и завязалъ сношенія съ Лондонскимъ королевскимъ обществомъ, гдѣ потомъ сдѣлался секретаремъ. Въ 1669 году въ журналѣ этого общества были помѣщены regulae которыя Гюйгенсъ сообщилъ обществу о движеніи. Между тѣмъ англійскій математикъ Вренъ почти въ то же самое время предложилъ обществу такія же regulae. Это дало поводъ Гюйгенсу обвинять Врена въ плагіатѣ. Лейбницъ высказалъ Бойнебургу мнѣніе, что споръ этихъ ученыхъ излишенъ, такъ какъ ни тотъ, ни другой не сказали того,

---

[1]) Gerh. I, 155.

что нужно, а затѣмъ лично сообщилъ Ольденбургу свои идеи о движеніи [1]). Немного спустя Лейбницъ посвятилъ Лондонскому королевскому обществу первую часть своей Hypothesis physica nova, за что получилъ благодарность черезъ посредство того же Ольденбурга. Другую часть трактата Theoria motus abstracti Лейбницъ въ то же время сообщилъ Парижской академіи наукъ, а также Отто фонъ Герике и Оноре Фабри.

Оноре Фабри былъ іезуитъ, родившійся въ 1607 г. во Франціи и умершій въ 1688 г. въ Римѣ. Въ началѣ своей карьеры, Фабри преподавалъ философію въ коллегіумѣ своего ордена, въ Ліонѣ. Лейбницъ его очень цѣнилъ, хотя сочиненія его Synopsis geometrica и Physica seu scientia rerum corporearum — были мало извѣстны [2]).

Отто фонъ Герике былъ бургомистромъ въ Магдебургѣ. Въ тяжелое время тридцати-лѣтней войны, въ Германіи было нѣсколько лицъ, имѣвшихъ чисто научныя стремленія. Къ нимъ принадлежалъ Герике. Онъ стоялъ одиноко, но не находясь ни въ какой корпораціи, имѣлъ мужество и охоту заниматься изученіемъ природы. Онъ открылъ воздушный насосъ, произвелъ опытъ надъ такъ называемыми магдебургскими полушаріями и, хотя его открытія не были еще опубликованны, слава его распространилась повсюду. Особенно имъ интересовался курфюрстъ Майнцскій, у котораго Лейбницъ находился на службѣ. Лейбницъ переслалъ Герике свою Hypothesis physica nova, пользуясь случаемъ вновь отдать свои идеи на провѣрку и судъ спеціалиста. Корреспонденція съ Герике касается обсужденія свойствъ и сущности эфира, о которомъ Лейбницъ говоритъ въ своей книгѣ.

---

[1]) Gerh. Leibnizens Mathematische Schriften. Band. I, 4.

[2]) Gerh. IV, 10.

Къ эпохѣ пребыванія у майнцскаго курфирста относится также переписка Лейбница съ Герцогомъ Іоанномъ Фридрихомъ Брауншвейгъ Люнебургскимъ и Спинозой. Подъ руководствомъ Бойнебурга, Лейбницъ не мало посвящалъ времени политикѣ. Среди другихъ политическихъ связей, онъ имѣлъ знакомство съ Лихтенштерномъ, шведскимъ дипломатическимъ агентомъ при рейнскихъ князьяхъ. Черезъ него Лейбницъ былъ представленъ, въ качествѣ опытнаго въ государственныхъ дѣлахъ человѣка, герцогу Іоанну. Письма Лейбница къ герцогу весьма интересны. Они даютъ понятіе о томъ, чѣмъ въ то время интересовался Лейбницъ, и что онъ успѣлъ уже сдѣлать въ наукѣ: письма трактуютъ о такъ называемой Scientia generalis, великой проблемѣ объ алфавитѣ человѣческихъ мыслей—и объ извѣстной уже намъ физической гипотезѣ [1]).

Со Спинозой Лейбницъ завязалъ переписку по поводу своихъ занятій оптикой. Спиноза, этотъ еврей ἀποσυνάγωγος, какъ его тогда называли, будучи отлученъ отъ своей общины добывалъ средства къ существованію шлифовкой оптическихъ стеколъ, и ему, какъ спеціалисту, Лейбницъ сообщилъ о своемъ планѣ построить новый родъ линзъ, благодаря которымъ, можно было бы вѣрно измѣрять удаленіе и величину объекта съ извѣстнаго мѣста [2]). Лейбницъ зналъ имя Спинозы по его сочиненіямъ [3]) и цѣнилъ его. Переписка ограничилась однимъ письмомъ. Точно также только двумя письмами, на которыя по видимому не было получено никакого отвѣта [4]), ограничилась корреспонденція Лейбница съ Гоббсомъ о движеніи, начатая имъ при посредствѣ Ольденбурга.

Майнцскій періодъ жизни Лейбница закончился составленіемъ политическаго проэкта о завоеваніи Египта. Людо-

[1]) Ib. 43.
[2]) Ib. 115.
[3]) L. Stein. Leibniz und Spinosa. Berlin. 1890 г. стр. 31 и слѣд.
[4]) Ger. I, 48.

Библиотека ООН

викъ XIV питалъ въ то время честолюбивыя мечты относительно завоеванія Голландіи. Чтобы отвлечь его отъ этого шага и вмѣстѣ съ тѣмъ подорвать владычество магометанъ, тормозившихъ цивилизацію и угнетавшихъ подвластныхъ ей христіанъ [1]), Лейбницъ хотѣлъ воспользоваться натянутыми отношеніями между Франціей и Портой. Совмѣстно съ Бойнебургомъ, онъ хотѣлъ обратить воинственный пылъ Людовика XIV на Турцію. Онъ составилъ проэктъ [2]) и черезъ Бойнебурга извѣстилъ о немъ французскаго короля. Отъ Арно де Помпонна, министра иностранныхъ дѣлъ, послѣдовалъ изъ Франціи благопріятный отвѣтъ. Тогда 14 марта 1672 г. по обычаю того времени верхомъ, съ сотней талеровъ въ карманѣ и десяткомъ книгъ, Лейбницъ отправился полномочнымъ посломъ въ Парижъ, съ письмами, своимъ проэктомъ [3]) и бумагами Бойнебурга. Его желаніе побывать въ центрѣ просвѣщенія осуществлялось.

Парижъ времени Лейбница: поклонники и противники Декарта.

Къ тому времени, когда Лейбницъ отправился въ Парижъ, картезіанская философія успѣла уже распространиться

---

[1]) Ж. М. Н. П. CXXXIII, 595.

[2]) Идея проэкта была не нова. Merz., 39—40: «In the beginning of the fourteenth century, when the idea of a crusade was still liwing in the minds of men, the Venetian. Marino Sanuto, in his «secreta fidelium crucis» proposed to the Pope a similar expedition. Leibniz made use of this domcument. The plan was favourable to the policy of the empire, because it would draw the Turks away from their repeated attacks on Hungary and Austria; and it might well be, at the same time, favourably viewed by Louis, since it would put France in possession of the greater and more valuable trade connections of the Dutch and punich them in a manner more affect ual than a European war.».

[3]) Ж. М. Н. П. CXXXIII, 611.

во Франціи. Декартъ умеръ въ 1650 г., но вопросы, возбужденные его философіей, успѣли уже получить общественный интересъ. Система Декарта была не только новою теоріей, но имѣла значеніе переворота въ умственной жизни французскаго народа [1]): отвергая схоластику, она закладывала въ основаніе изученія природы математику, механику и физику. Ученіемъ Декарта увлеклась знать: герцоги Конде и де Люинъ, кардиналь де Рецъ, маркизъ де Вардъ. Въ салонахъ madame де Севиньи и маркизы Сабле занимались бѣсѣдами о философіи Декарта.

Картезіанская философія была въ модѣ. Даже университетъ, оффиціальный оплотъ схоластики въ Парижѣ, долженъ былъ уступить общему движенію. Не смотря на хлопоты нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, онъ не рѣшился просить парламентъ о формальномъ запрещеніи распространять ученіе Декарта въ предѣлахъ королевства. Новая философія нашла себѣ особенную поддержку въ ученыхъ обществахъ и нѣкоторыхъ монашескихъ орденахъ. Одно изъ этихъ ученыхъ обществъ—общество Поръ-Рояля—раздѣляло участь философіи Декарта: послѣдователи Янсена и Декарта одинаково подвергались гоненіямъ со стороны правительства и со стороны папства, у нихъ были общіе враги-іезуиты. Система французскаго философа и ученіе бельгійскаго епископа имѣли много еще и внутреннихъ точекъ соприкосновенія [2]). Самымъ блестящимъ поборникомъ янсенизма былъ Антуанъ Арно, одинъ изъ первыхъ учениковъ Декарта.

---

[1]) Ib. CXXXIV, 306.

[2]) Ib. 331—332. Также F. Bouillier. Histoire de la philosophie cartésienne. Paris. Troisième édition. 1868 г. Deux volumes. Буйлье замѣчаетъ: «Un jansénisme moins efcessif, laissant une part à la raison et à la science humaine, devait s'accommoder mieux de la philosophie de Descartes que de toute autre philosophie, à cause de ses analogies avec Saint Augustin, à cause surtout de la tendance, qui leur est commune, à anéantir l'homme sous la main de Dieu.

Антуанъ Арно родился въ семьѣ, прославившейся своею враждою къ іезуитамъ. Отецъ его былъ адвокатомъ. Добившись докторской степени и вступивъ въ факультетъ, Арно принялъ подъ свою защиту янсенистовъ. За это его вытѣснили изъ факультета. Онъ долженъ былъ даже оставить убѣжище въ Поръ Роялѣ и скрываться въ Парижѣ,—то въ домѣ герцогини Лонгвиль, то въ другихъ мѣстахъ, гдѣ его не могла найти полиція. Мало по малу возбужденіе противъ Арно улеглось и онъ получилъ возможность воспользоваться непродолжительнымъ отдыхомъ [1]). Арно отличался пылкимъ характеромъ и недюжиннымъ умомъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кому Декартъ посылалъ свои Méditationes для возраженій [2]). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Арно не соглашался съ Декартомъ. По словамъ Буйье онъ: „въ эмпирическомъ смыслѣ толковалъ то, что Декартъ оставилъ неопредѣленнымъ и не доказаннымъ въ ученіи объ идеяхъ.... Онъ съ большой убѣдительностью защищалъ методъ и принципы „Размышленій“ Декарта отъ его противниковъ, въ особенности отъ теологовъ. Могущество божіе безконечно, а нашъ разумъ конеченъ. Богъ можетъ дѣлать то, чего мы не въ состояніи понять —это обстоятельство противополагаетъ Арно всѣмъ возраженіямъ теологовъ о несоединимости картезіанства и вѣры. Въ

Les Cartésiens font de Dieu l'unique cause efficiente, le seul acteur qui agisse en nous; les jansénistes donnent tout à la grâce qui opère tout en nous, sans nous; voilà la point par où se touchent le jansénisme et le cartesianisme. «Vol. I p. 432.

[1]) Ж. М. Н. П. CXXXIV. 332—333.

[2]) F. Bouillier «Descartes aurait vivement désiré publier ses Méditations avec une approbation en forme du corps des docteurs de la Sorbonne.... Mercenne....., dans tout ce grand corps il ne se trouva qu' un seul docteur Arnauld, alors âge de 28 ans, qui consentît à prendre la plume—Arnauld, quoique jeune, était prèparé à cet examen par deux années d'enseignement de la philosophie, en Sorbonne, au collége du Mans, de 1639—1641». L. l. Vol I, p. 222—223.

силу этого принципа, говоритъ онъ, всякая разумная, философская система согласуется съ вѣрой, и ни одна не можетъ съ ней не согласоваться. Только по этой причинѣ Аристотель согласуется съ церковью; только по этому же согласуется съ ней и Декартъ“ [1]). Арно написалъ нѣсколько сочиненій въ защиту картезіанской философіи, участвовалъ вмѣстѣ съ Николемъ, въ составленіи извѣстной Logique de Port-Royal [2]), гдѣ приводилось много примѣровъ въ духѣ картезіанской философіи [3]). Въ дѣятельности Декарта Арно видѣлъ особаго рода миссію, ниспосланную Провидѣніемъ, чтобы удержать людей отъ разврата и антирелигіозности [4]). Богословскіе взгляды Арно заставляли его не только въ указанномъ смыслѣ понимать ученіе и роль Декарта, но и привели его къ полемикѣ съ Мальбраншемъ по вопросу о предопредѣленіи [5]).

Къ числу монашескихъ орденовъ, въ которыхъ было принято ученіе Декарта, принадлежалъ орденъ Ораторія [6]). Его стремленія также были противоположны стремленіямъ іезуитовъ. Въ орденѣ были преданы наукѣ, преподаванію, и всего менѣе политикѣ. Любимый писатель членовъ ордена—блаженный Августинъ пріучилъ ихъ къ идеализму, и покровитель ордена, кардиналъ Берюллъ, высказывалъ свое расположеніе Декарту еще тогда, когда тотъ не пріобрѣлъ славы великаго философа. Изъ Ораторія вышло много карте-

---

[1]) Ib. Vol. II p. 161.

[2]) Ib., 158—159.

[3]) Духъ картезіанской философіи особенно очевиденъ въ примѣрахъ, приводимыхъ на силлогизмъ; см. Logique de Port—Royal, précedée d'une notice sur les travaux philosophiques d'Antoine Arnauld et accompagnée de notes par Charles Jourdain. Paris. 1868 г. p. 245. etc.

[4]) Bouillier. L. 1. Vol. II, 168.

[5]) Ib. Vol. II, 193 etc.

[6]) Орденъ Ораторія можно было бы назвать скорѣе полумонашескимъ, такъ какъ тамъ требовались только священническіе обѣты. Ж. М. Н. П. XXXIV, 323.

зіанцевъ: Андре Мартенъ, Пуассонъ, переведшій механику Декарта на латинскій языкъ, и наконецъ, Мальбраншъ. Послѣдній можетъ быть даже названъ преемникомъ Декарта и самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ конгрегаціи Ораторія. Мальбраншемъ руководило стремленіе соединить картезіанскую метафизику съ ученіемъ блаженнаго Августина. Личныя его качества помогли этому. Онъ былъ натурой созерцательной и болѣзненно сосредоточенной, его духъ былъ склоненъ къ мистицизму.

Не смотря на чрезвычайный успѣхъ, который имѣла философія Декарта, на родинѣ философа находилось не мало вліятельныхъ людей въ числѣ его противниковъ. Большинство ихъ принадлежало къ ордену Игнатія Лойолы. То обстоятельство, что Декартъ самъ вышелъ изъ іезуитской коллегіи въ Ла Флешъ, не имѣло значенія: іезуиты придерживались эмпиризма и ненавидѣли идеализмъ. Полемизируя противъ врожденныхъ идей Декарта, они покровительствовали Гассенди, возобновившему атомизмъ Эпикура. Истина для іезуитовъ была только средствомъ, и они не любили придавать ей „характеръ неопровержимости“ [1]). Они были скептиками [2]). Турнеминъ, Даніель, Гардуенъ съ разныхъ точекъ зрѣнія возражали Декарту, но однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ и опасныхъ его противниковъ былъ Гуэ, епископъ Авраншскій.

Гуэ родился въ 1630, умеръ въ 1721 г. Въ молодости онъ ѣздилъ въ Швецію, чтобы познакомиться тамъ съ библіо-

---

[1]) Ж. М. Н. П. CXXXIV, 337.

[2]) F. Bouillier. «L'empirisme, puisé soit dans l'Aristote, soit dans Gassendi, et plus au moins mêlé de scepticisme, voilà la caractère le plus générale, que présente la philosophie des jésuites dans son opposition à celle de Descartes et de l'Oratoire. Ce caractère s'est déjà révélé à nous par les attaques du P. Bourdin contre les preuves de la distinction de l'âme et du corps.» L. l. Vol. I, 572.

теками и кружкомъ ученыхъ, собравшихся около королевы Христины. Потомъ, подъ руководствомъ Боссюэта, онъ давалъ уроки дофину, положивъ начало извѣстному въ свое время изданію классиковъ in usum Delphini. Своими работами, своей разносторонностью онъ пріобрѣлъ себѣ выдающееся мѣсто въ блестящемъ кругу придворнаго общества [1]). Сдѣлавшись епископомъ Авранша, онъ, 70-ти лѣтъ отъ роду, оставилъ свою епархію и удалился въ Парижъ къ іезуитамъ, гдѣ прожилъ еще двадцать лѣтъ [2]). Онъ не принадлежалъ къ ихъ ордену, но его нельзя отъ нихъ отдѣлять. Онъ постоянно является то ихъ протеже, то ихъ покровителемъ, то ихъ пансіонеромъ [3]).

Сочиненія Гуэ были многочисленны; наибольшею извѣстностью пользовалось однако вышедшее въ 1689 г. „Осужденіе картезіанской философіи“. Гуэ сначала былъ послѣдователемъ Декарта, даже распространителемъ его ученія, но потомъ, подъ вліяніемъ герцога Монтозье, сдѣлался его противникомъ. Одной изъ причинъ отпаденія Гуэ отъ картезіанцевъ, было, по словамъ Буйье [4]), ихъ презрѣніе къ изученію языковъ, древности и исторіи, чему почти всю свою жизнь посвятилъ Гуэ, написавшій напр. „Исторію торговли и мореплаванія у древнихъ“. Censura philosophiae cartesianae раздѣляется на восемь главъ, основными пунктами которыхъ является разборъ вопросовъ: о методическомъ сомнѣніи, o cogito ergo sum, о природѣ человѣческаго духа, о происхожденіи идей, о доказательствѣ бытія Божія, о принципахъ матеріальнаго міра. Гуэ одобрялъ сомнѣніе Декарта, но не признавалъ его вывода—cogito ergo sum, считая послѣдній неудачнымъ силло-

---

[1]) Gerh. III, 3.

[2]) Ж. М. Н. П. CXXIV, 338.

[3]) Bouillier. L. l. vol. I, 592.

[4]) Ib. 593. Смотри также Ж. М. Н. П. CXXXIV, 339.

гизмомъ [1]). По мнѣнію Гуэ, Декартъ ослабляетъ вѣру, доказывая спиритуальность души и Бога. Относительно доказательства бытія Божія черезъ идею безконечнаго, Гуэ высказывался, что это остроумная игра словъ, а не доказательство, ибо реальность идеи безконечнаго, получаемой путемъ отвлеченія, зависитъ единственно отъ нашего ума. Подобно Гассенди, Гуэ полагалъ, что трудно понимать Бога, не придавая ему нѣкоторыхъ ограниченій. Противъ принциповъ, принятыхъ Декартомъ для объясненія матеріальнаго міра, Гуэ возражалъ, что своимъ опредѣленіемъ матеріи Декартъ подрывалъ вѣру, ибо это опредѣленіе не соединимо съ евхаристіей [2]). При всёмъ томъ Гуэ почиталъ въ Декартѣ умнаго и талантливаго человѣка—ad penetrandas res a natura reconditas ingenio acri et perarguto [3]).

Къ числу противниковъ картезіанской философіи, хотя уже въ лицѣ не Декарта, а Мальбранша, подобно Арно, принадлежалъ Симонъ Фуше. Онъ родился въ 1644 г. въ Дижонѣ и, получивъ санъ священника, сдѣлался тамъ каноникомъ. При своей склонности жить для науки, онъ не долго пробылъ на этомъ мѣстѣ. Онъ уѣхалъ въ Парижъ и пріобрѣлъ тамъ степень баккалавра въ Сорбоннѣ. Его занятія были направлены преимущественно на философію Платона, такъ что многіе называли его „реставраторомъ академической философіи“. Его сочиненія обыкновенно появлялись ввидѣ отрывковъ и брошюръ. Въ 1675 году онъ выпустилъ въ свѣтъ критику на „Разысканіе истины“ Мальбранша. Фуше былъ довольно поверхностнымъ человѣкомъ, но его умъ отличался извѣстнаго рода тонкостью. Умеръ онъ въ 1696 г. [4]).

---

[1]) F. Bouillier. L. l. vol. I, 595.

[2]) Ib. 597.

[3]) Ib. 598. Примѣчаніе второе, содержащее выписку изъ Censura philosophiae Cartesianae. XXVIII глава перваго тома книги Буйье вся посвящена епископу Авранша.

[4]) Gerh. I, 365—366.

Математическія занятія Лейбница и его поѣздка въ Лондонъ.

Послѣдователи и противники Декарта были людьми, въ среду которыхъ попалъ Лейбницъ по прибытіи въ Парижъ. Потерпѣвъ фіаско со своимъ проэктомъ при дворѣ Людовика XIV, который былъ тогда исполненъ воинственнаго пыла, ввиду одержанныхъ имъ побѣдъ въ Голландіи, Лейбницъ завязалъ обширное знакомство съ представителями наукъ того времени. Онъ вошелъ въ личныя сношенія и съ Фуше, и съ Арно, и съ Мальбраншемъ, и съ Гуэ; онъ старался усвоить математику и физику не только черезъ посредство книгъ, но и при посредствѣ живого воздѣйствія самихъ находившихся тогда въ Парижѣ ученыхъ, каковы напр. Гюйгенсъ и Кассини. Гюйгенсъ и Кассини могли дать Лейбницу то, чего онъ не имѣлъ: они могли возвести его математическія и астрономическія познанія на уровень современной науки. Гюйгенсъ былъ математикомъ, показавшимъ примѣненіе маятника къ часамъ, Кассини былъ астрономъ, открывшій спутниковъ Юпитера. Физическая теорія Гюйгенса объ эфирной матеріи, движеніемъ которой къ центру земли объяснялись явленія тяжести, очень походила на теорію Лейбница, высказанную имъ въ его Hypothesis physica nova [1]). Подъ вліяніемъ работъ этихъ и другихъ ученыхъ, Лейбницъ занимался теоретически и практически. Среди публики въ Парижѣ большой интересъ возбуждали различнаго рода проэкты счетныхъ машинъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, Паскаль устроилъ машину, посредствомъ которой можно было механически складывать и вычитать. Лейбницъ началъ работать надъ машиной, которая могла бы производить еще умноженіе и дѣленіе, и успѣхъ его былъ такъ великъ, что удачная модель аппарата обратила на себя

[1]) Ж. М. Н. П. CXXXIV, 345.

вниманіе министра финансовъ Кольбера. Подобнаго рода занятія практической механикой шли у Лейбница параллельно съ изученіемъ высшей математики того времени. Лейбницъ имѣлъ сравнительно слабую математическую подготовку и, хотя подъ руководствомъ Вейгеля въ Іенѣ, пріобрѣлъ много такихъ познаній, которыя превышали средній школьный уровень, но ему не были извѣстны, до пріѣзда въ Парижъ, ни работы Паскаля, ни изслѣдованія Ферма, ни результаты, къ которымъ пришли новѣйшіе англійскіе математики, Ньютонъ, Коллинсъ и Барроу. Между тѣмъ въ наукѣ назрѣлъ весьма важный вопросъ объ общемъ методѣ изслѣдованія кривыхъ. Лейбницъ имъ занялся и около 1673 г. такъ успѣлъ въ математикѣ, что сдѣлалъ нѣсколько замѣчательныхъ частныхъ открытій, въ родѣ способа суммировать безконечный рядъ чиселъ. Около этого же времени положеніе Лейбница должно было измѣниться. Умеръ Бойнебургъ, а вскорѣ за нимъ и курфюрстъ Майнцскій. Вмѣсто самого Бойнебурга, который хотѣлъ привести своего сына въ Парижъ для окончанія образованія, осенью 1672 г. въ столицу Франціи прибылъ зять Бойнебурга оберъ-маршалъ Шёнборнъ [1]). Онъ привезъ молодого Бойнебурга на попеченіе Лейбница, но вмѣстѣ съ тѣмъ явился какъ чрезвычайный посолъ, которому необходимо было еще отправиться въ Англію. Лейбницъ долженъ былъ сопровождать Шёнборна. Англія тогда славилась математиками, группировавшимися около Лондонскаго королевскаго Общества, секретаремъ котораго, какъ уже сказано, былъ Ольденбургъ. Лейбницъ посѣтилъ Ольденбурга. Онъ завелъ также знакомства съ химикомъ Бойлемъ и математикомъ Пеллемъ. Ньютона Лейбницъ не видалъ. Нѣкоторымъ изъ этихъ ученыхъ онъ сообщилъ о результатѣ своихъ работъ, но бесѣды съ ними сразу показали Лейбницу, что онъ многаго не зналъ изъ того,

[1]) Ib. 349.

что было извѣстно англійскимъ математикамъ [1]). Вернувшись въ Парижъ, Лейбницъ спеціально занялся математикой. Еще въ Hypothesis physica nova есть черты, изъ которыхъ видно, что конечныя величины Лейбницъ разсматривалъ, какъ состоящія изъ безконечнаго числа малыхъ частей [2]). Теперь эта идея была имъ примѣнена въ области анализа и заложена въ основаніе новаго метода, который извѣстенъ подъ именемъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, и былъ открытъ Лейбницемъ 29 октября 1675 года. Сначала было обработано суммированіе рядовъ — интегральное исчисленіе, а затѣмъ дифференціальное. Лейбницу пришлось много поработать прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выработать символы для означенія новыхъ понятій. По его перепискѣ съ Ольденбургомъ мы имѣемъ возможность прослѣдить всѣ фазисы развитія его математическихъ успѣховъ.

Ученыя работы Лейбница, послѣ смерти Бойнебурга, почти ничѣмъ не нарушались, если не считать непріятностей, которыя возникли у него съ семьею Бойнебурга, по поводу плохого поведенія отданнаго ему на воспитаніе сына послѣдняго и нѣкоторыхъ денежныхъ счетовъ. Наслѣдники Бойнебурга требовали съ Лейбница назадъ тѣ сто талеровъ, которые Бойнебургъ далъ ему взаймы, когда Лейбницъ ѣхалъ въ Парижъ. Это повело къ разрыву. Между тѣмъ, лишившись поддержки внѣ Франціи, Лейбницъ рѣшился пріобрѣсти себѣ прочное и независимое положеніе въ Парижѣ. Онъ воспользовался своимъ знакомствомъ съ Кольберомъ. Этотъ министръ финансовъ Людовика XIV заказывалъ счетныя машины по модели Лейбница и относился къ философу съ большимъ ува-

---

[1]) Merz, 57. «Pell... drew Leibniz's atention to Mercator's work on the rectification of the hyperbola».

[2]) Gerh. IV, 234. «Omnes possibiles lineas, figuras, corpora et motus secundum omnes lineas Physice construere meris motibus rectis inter se aequalibus».

женіемъ. У Кольбера Лейбницъ сошелся съ аббатомъ Галуа—однимъ изъ основателей Journal des Savants—членомъ Академіи наукъ. Подобныя знакомства позволяли Лейбницу находится въ безбѣдномъ положеніи, живя частной работой, напр. составляя юридическіе акты для разныхъ лицъ [1]). Лейбницъ однако, постоянно жаловался, что такія занятія мѣшаютъ его ученымъ работамъ. Онъ искалъ лучшаго. Ему хотѣлось остаться въ Парижѣ въ качествѣ дипломатическаго агента преемниковъ Шёнборна. Когда это желаніе не осуществилось, онъ возимѣлъ намѣреніе переселиться на службу Габсбурговъ въ Вѣну. Наконецъ, всѣ эти планы кончились тѣмъ, что Лейбницъ принялъ предложеніе герцога Іоанна Фридриха Ганноверскаго, который предложилъ ему мѣсто секретаря, чинъ совѣтника и 400 талеровъ ежегодно. Осенью 1676 г. Лейбницъ навсегда покинулъ Парижъ.

Путь его лежалъ однако не прямо въ Ганноверъ. Онъ направился черезъ Лондонъ, гдѣ ему хотѣлось повидаться со своими учеными друзьями. Въ Лондонѣ онъ встрѣтился съ Коллинзомъ и, пробывъ въ этомъ городѣ всего недѣлю, проѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ познакомился съ математикомъ Гудде и другомъ Спинозы—врачемъ Шуллеромъ, издателемъ посмертныхъ сочиненій автора „Этики“. За годъ до своего отъѣзда изъ Парижа Лейбницъ уже былъ освѣдомленъ о философіи Спинозы черезъ Эренфрида Чирнгауза, пріѣхавшаго

---

[1]) Ж. М. Н. П. CXXXIV, 353. «Одна изъ такихъ работъ была вызвана дѣломъ герцога Христіана Мекленбургскаго. Этотъ герцогъ былъ сначала женатъ на своей двоюродной сестрѣ; затѣмъ принялъ католичество и выхлопоталъ у папы расторженіе брака подъ предлогомъ близкаго родства. Послѣ этого онъ женился въ Парижѣ на вдовѣ герцога Колиньи. Однако и вторая жена ему надоѣла, и онъ теперь хлопоталъ въ Парижѣ, чтобы и этотъ бракъ былъ расторгнутъ. Онъ просилъ Лейбница быть его адвокатомъ и Лейбницъ составилъ для него на латинскомъ и французскомъ языкахъ нѣсколько записокъ, которыя всѣ отличаются строгою логичностью доказательствъ и ясностью выводовъ.»

къ нему изъ Лондона по порученію Ольденбурга въ концѣ 1675 г. и бывшаго въ перепискѣ съ Шуллеромъ [1]). Чирнгаузъ лично зналъ Спинозу и сообщалъ Лейбницу о такихъ работахъ послѣдняго, которыя были еще только въ рукописи. Дружба Чирнгауза съ Лейбницемъ, усиленно занимавшимся тогда изученіемъ картезіанской философіи, способствовала этому. Шуллеръ сообщилъ даже самому Спинозѣ о знакомствѣ Чирнгауза съ Лейбницемъ [2]). И вотъ проѣздомъ изъ Англіи Лейбницъ началъ особенно прилежно изучать философію Спинозы. Найдя у Шуллера три письма послѣдняго къ Ольденбургу, онъ написалъ къ нимъ примѣчанія, показывающія до какой степени внимательно онъ читалъ эти письма [3]). Неудивительно послѣ этого желаніе Лейбница лично повидать Спинозу. Послѣдній жилъ тогда въ Гагѣ, въ уединеніи, по цѣлымъ мѣсяцамъ не выходилъ изъ дому и, при всей слабости своего здоровія, часть ночей посвящалъ главному своему сочиненію, „Этикѣ“. Лейбницъ изъ Амстердама завернулъ въ Гагу. Въ бумагахъ Лейбница осталась замѣтка о его свиданіи со Спинозой [4]). Ихъ разговоръ касался вопро-

---

[1]) Gerh. I, 117. L. Stein. Leibniz und Spinosa. Berlin. 1890 г., p. 43.

[2]) Приводимъ отрывокъ изъ письма Шуллера: «Refert (Tschirngaus) praeterea se Parisiis invenisse virum insigniter eruditum inque variis scientiis versatissimum ut et a vulgaribus Theologiae praejudiciis liberum, Leibniz appellatum, quocum familiariter contraxit intimam.» L. Stein. L. l. 43.

[3]) Ib. 50.

[4]) «J'ay passé, пишетъ Лейбницъ, quelques heures après dîner avec Spinosa, il me dit, qu'il avait esté porté, le jour des massacres de M. M. de Witt de sortir la nuit et d'afficher quelque part, proche du lieu (des massacres) un papier, ou il y aurait ultimi barbarorum. Mais son hôte luy avait, fermé la maison pour l'empêcher de sortir, car il se serait exposé à être déshiré. Spinosa ne voyait pas bien les defauts des regles du mouvement de M. Descartes il fut surpris quand je commensai de lui montrer, qu'elles viollaient l'égalité de la cause et de l'effet.» Foucher de Careil. «Refutation inédite de Spinosa.» p. LXIV.

са о причинѣ движенія, которымъ особенно интересовался Лейбницъ. Впослѣдствіи Лейбницъ еще нѣсколько разъ видѣлся со Спинозой. Вообще Лейбницъ провелъ въ Голландіи два мѣсяца, что нѣкоторыми объясняется, какъ результатъ его особеннаго интереса къ спинозизму [2]). Въ Ганноверъ Лейбницъ прибылъ въ концѣ 1676 г.

Первый періодъ дѣятельности Лейбница въ Ганноверѣ. Герцогъ Іоаннъ.

Жизнь Лейбница при дворѣ герцога Ганноверскаго была въ высшей степени плодотворна. Въ силу своего положенія. Лейбницъ имѣлъ, во первыхъ, доступъ къ самой разнообразной дѣятельности; во вторыхъ, пользуясь частымъ досугомъ, онъ находилъ возможность заниматься разработкой научнаго матеріала, который ему дало пребываніе въ Парижѣ. Лейбницъ въ Ганноверѣ оказался и великимъ практикомъ, и великимъ ученымъ.

Герцогъ Іоаннъ Фридрихъ по отношенію къ управленію проводилъ въ своей странѣ принципы Людовика XIV — онъ хотѣлъ быть абсолютнымъ властителемъ. Онъ увеличилъ доходы казны и число регулярнаго войска. Какъ большинство князей того времени, герцогъ Іоаннъ много путешествовалъ и эти путешествія не остались безъ результатовъ: онъ сдѣлался однимъ изъ образованнѣйшихъ людей въ Германіи. Онъ интересовался не только попытками отыскать философскій камень, но и химіей, и естественными науками, и библіотекой. Онъ, подобно Людовику XIV, давалъ пенсіи ученымъ, часто знакомился съ ними и приближалъ ихъ къ себѣ. Свидѣтельствомъ этому служатъ его отношенія къ Лейбницу.

Лейбницъ сначала не занималъ никакого опредѣленнаго амплуа. Онъ долженъ былъ поддерживать обширную пере-

---

[2]) L. Stein. l. l. 49.

писку герцога и сообщать ему замѣчательныя литературныя новости, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ право подавать докладныя записки по вопросамъ, которыя считалъ важными. Черезъ нѣсколько времени Лейбницу было предоставлено оказавшееся вакантнымъ мѣсто библіотекаря, а черезъ три года—въ 1679 г. мѣсто въ Гофратѣ, соотвѣтствующемъ министерству юстиціи. Въ этомъ положеніи Лейбницъ получилъ право высказывать свои мнѣнія объ общихъ государственныхъ дѣлахъ и произносить приговоры въ процессахъ. Герцогъ однако цѣнилъ въ немъ по преимуществу ученаго, и Лейбница не особенно обременяли мертвящей канцелярщиной. Онъ бывалъ въ канцеляріи только въ свободное отъ занятій время.

Каковы же были занятія и интересы Лейбница?

Записки, которыя Лейбницъ представлялъ герцогу были двухъ родовъ: однѣ касались естествознанія, промышленности и государственнаго устройства, другія политики. Узнавалъ Лейбницъ о новомъ способѣ лить чугунъ,—онъ просилъ у герцога позволенія съѣздить въ рудники на Гарцѣ и взять тамъ обращиковъ руды, чтобы отослать ихъ для изслѣдованія изобрѣтателю; доходилъ до Лейбница слухъ объ открытіи фосфора, онъ тотчасъ знакомилъ герцога съ этимъ обстоятельствомъ [1]). По настоянію Лейбница, герцогъ согласился даже выплачивать открывшему фосфоръ, но мало извѣстному химику—Брандту, ежегодную пенсію съ тѣмъ, чтобы тотъ жилъ и работалъ въ Ганноверѣ. Лейбницъ стоялъ впереди своего вѣка; онъ защищалъ введеніе машинъ въ промышленности, хлопоталъ объ улучшеніи монетной системы, о разширеніи добыванія драгоцѣнныхъ металловъ, о шерстяномъ производствѣ. Благодаря Лейбницу, благосостояніе герцогства поднялось. Лейбницъ хлопоталъ усиленно, желая заручиться средствами для открытія ученой Ака-

[1]) Ж. М. Н. П. CXXXV, 9.

деміи при Ганноверскомъ дворѣ, проэктъ, которому не суждено было сбыться. Лейбницъ совѣтовалъ также учредить въ герцогствѣ центральный архивъ—нѣчто вродѣ статистическаго комитета [1]). Лейбницъ имѣлъ на герцога большое вліяніе. Онно Клопъ приписываетъ его стараніямъ уничтоженіе преслѣдованія за колдовство. Лейбницъ перевелъ на французскій языкъ книгу іезуита Шпе, человѣка, впервые понявшаго, что колдовство существуетъ только въ воображеніи невѣжественныхъ судей [2]).

Политическіе труды Лейбница при герцогѣ Іоаннѣ были посвящены вопросу о супрематѣ князей, о правахъ мелкихъ германскихъ владѣтелей посылать своихъ представителей къ иноземнымъ дворамъ. По желанію герцога, Лейбницъ защищалъ это право, хотя не особенно ему сочувствовалъ. Сочиненіе, которое онъ написалъ по этому поводу, было издано имъ подъ псеводонимомъ Caesarinus Furstenarius. Въ немъ онъ велъ полемику противъ Гоббса, противъ пониманія послѣднимъ права, происхожденія и задачъ государства. Лейбницъ находилъ, что практически идеалъ Гоббса нигдѣ не осуществимъ. Гоббсъ училъ, что право и воля каждаго лица переносятся въ государствѣ на правительство и поэтому свободная воля даннаго лица не должна имѣть въ государствѣ значенія. Лейбницъ утверждалъ, что люди никогда не откажутся отъ своей воли, ибо они никогда не могутъ быть увѣрены въ абсолютной мудрости своихъ правителей. Разсужденія Гоббса, по мнѣнію Лейбница, умѣстны только по отношенію къ тому государству, правителемъ котораго является Богъ [3]).

Нѣсколько иное направленіе имѣли работы Лейбница о соединеніи церквей. Тутъ онъ преслѣдовалъ столько же поли-

---

[1]) Ib., 14.

[2]) Ib., 17.

[3]) Ib., 27.

тическія, сколько и религіозныя цѣли. При дворахъ герцога было много католиковъ и вопросъ этотъ возникалъ самъ собой. Лейбницъ сообщалъ герцогу, что по поводу уніи онъ даже выработалъ особый „методъ", который состоялъ въ томъ, что бы авторъ не былъ „ни судьей, ни истцомъ, ни посредникомъ, но только докладчикомъ" [1]). Въ одной изъ записокъ Лейбница остался планъ сочиненія, которое онъ хотѣлъ написать. Первая часть этого сочиненія должна была трактовать о Богѣ, безсмертіи души и естественной религіи; вторая часть—объ откровеніи, третья—о церкви. Въ качествѣ введенія, этому сочиненію Лейбницъ хотѣлъ предпослать изложеніе основаній истинной философіи, съ новой логикой и метафизикой, съ физикой и этикой. Ко всему этому должна была быть прибавлена теорія вѣроятности доказательствъ, такъ какъ нигдѣ еще не было объяснено искуство опредѣлять степень вѣроятности [2]). Философскія стремленія Лейбница за это время вообще отличались большой широтой. Главное его вниманіе было сосредоточено однакожъ на физикѣ, системахъ Декарта и Спинозы. Самостоятельныя занятія Лейбница въ области философіи были уже настолько цѣнны и глубоки, что съ выработанной имъ точки зрѣнія онъ могъ ясно замѣчать недостатки той или другой теоріи. Цѣльныхъ сочиненій по философскимъ вопросамъ тѣмъ не менѣе Лейбницъ въ это время не создалъ. По вопросу, который занималъ его въ особенности, именно по вопросу о такъ называемой Scientia universalis или generalis [3]), которая должна была изслѣдовать прин-

---

[1]) Ib., 43.

[2]) Ib., 44.

[3]) Вотъ какъ опредѣлялъ эту науку Лейбницъ: «Scientiam generalem intelligo, quae caeterarum omnium principia continet modumque principiis ita utendi, ut quisque mediocri licet ingenio praeditus ubi ad specialia quaecunque descenderit, facili meditatione et brevi experientia, difficillima etiam intelligere et pulcherrimas veritates utilissimasque praxes, quantum ex datis homini possibile est, invenire possit. Tractare ergo debet tum de modo bene cogitandi,

ципы всѣхъ наукъ, остались только небольшіе отрывки; по другимъ вопросамъ тоже. Напечатано Лейбницемъ по философіи не было почти ничего. Центръ тяжести обсужденія философскихъ идей заключался у Лейбница въ перепискѣ.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Ганноверъ Лейбницъ познакомился съ президентомъ ганноверской консисторіи Герхардтомъ Моланомъ, бывшимъ ранѣе профессоромъ теологіи и математики въ Гельмштадтѣ. Моланъ сообщилъ своему другу Арнольду Экгарту—профессору математики въ Ринтельнѣ, объ интересѣ Лейбница къ картезіанской философіи. Желая лично познакомиться съ знаменитымъ ученымъ, какимъ тогда уже считался Лейбницъ, Экгартъ пріѣхалъ въ Ганноверъ, гдѣ произошло нѣсколько бесѣдъ между нимъ, Лейбницемъ и Моланомъ. Эти бесѣды о бытіи Бога, одна изъ которыхъ сохранена въ изложеніи Лейбница, послужили поводомъ къ перепискѣ между Лейбницемъ и Экгартомъ [1]). Въ это же время Лейбницъ велъ переписку съ Филиппомъ.—Филиппъ или Филиппи, какъ называлъ его Лейбницъ, былъ совѣтникомъ и резидентомъ въ Гамбургѣ и вращался тамъ въ ученыхъ кругахъ. Онъ имѣлъ особенный интересъ къ естествознанію. Къ Лейбницу онъ обратился, какъ къ противнику картезіанской философіи, и послѣдній обсуждалъ съ нимъ нѣсколько вопросовъ по физикѣ [2]). Кромѣ картезіанства предметомъ переписки Лейбница въ этотъ періодъ его жизни были упомянутыя Scientia generalis и ея дополненіе Characteristica realis, которая должна была быть средствомъ, съ помощью

---

hoc est inveniendi, judicandi, affectus regendi, retinendi ac reminiscendi, tum vero de totius Encyclopaediae Elementis, et Summi Boni investigatione, cujus causa omnis meditatio suscipitur; est enim nihil aliud sapientia, quam scientia felicitatis» Gerh. VII, 3.

[1]) Ib. I, 209. Въ другомъ мѣстѣ Герхардтъ замѣчаетъ: «Leibniz, dem Umgang mit wissenschaftlichen Männer ein Bedürfniss war, war hoch erfreut in der Nähe Hannovers einen Mann zu wissen, welcher ihm in diser Hihsicht entgegen—käme». IV, 267.

[2]) Ib.

основныхъ понятій наукъ, дать изображеніе духа вообще, имѣя въ виду пополненіе наукъ открытіемъ другихъ истинъ. Лейбницъ сообщилъ объ этихъ идеяхъ въ Парижъ Галуа, и въ Лондонъ Гааку и Клюверу. Гаакъ былъ нѣмецъ и литераторъ. Онъ снискалъ себѣ извѣстность въ качествѣ переводчика „Потеряннаго рая“ Мильтона и имѣлъ ученыя связи [1]). Клюверъ былъ тоже нѣмцемъ, который путешествовалъ по Франціи и Италіи, а затѣмъ жилъ въ Лондонѣ, ради занятій математикой.

Кромѣ этихъ новыхъ корреспондентовъ, старые знакомые Лейбница тоже находилось съ нимъ въ перепискѣ. Лейбницъ разсылалъ письма и Фуше, и Конрингу, и Гуэ, и Мальбраншу. Въ то время нельзя было не имѣть корреспондентовъ: было трудно другимъ путемъ получать извѣстія изъ-за границы. Ученые журналы были только еще въ зародышѣ, книгъ выходило мало. Неудивительно, что нѣкоторыя письма имѣли даже значеніе событій. Съ нихъ снимались копіи и они разсылались, какъ книги. Лейбницъ при своемъ положеніи секретаря и библіотекаря герцога болѣе чѣмъ кто либо другой долженъ былъ употреблять всѣ усилія къ тому чтобы стоять au courant европейской науки и жизни.

Осенью 1679 года Лейбницъ хотѣлъ отправиться въ Майнцъ, чтобъ воспользоваться для своихъ работъ библіотекой Бойнебурга, какъ вдругъ пришла вѣсть, что герцогъ Іоаннъ, уѣхавшій незадолго предъ тѣмъ въ Венецію, умеръ.

Лейбницъ при дворѣ Эрнста Августа.

Смерть герцога произвела на Лейбница тяжелое впечатлѣніе: они были друзьями, понимали другъ друга; кромѣ того, наслѣдникъ престола могъ оказаться причиной многихъ перемѣнъ при дворѣ, что грозило Лейбницу рѣзкимъ измѣненіемъ его

[1] Ib., VII, 16.

положенія. Въ началѣ 1680 г. Лейбницъ завелъ переписку съ Вѣнскимъ дворомъ, съ цѣлью похлопотать о мѣстѣ библіотекаря и гофрата въ Вѣнѣ [1]). Затѣмъ онъ обратился къ Гюйгенсу и Шеврезу въ Парижъ, съ цѣлью получитить мѣсто иностраннаго члена французской академіи наукъ. Опасенія Лейбница оказались однако напрасными. Новый герцогъ Эрнстъ Августъ любилъ своего брата, которому наслѣдовалъ, и Лейбницъ остался при ганноверскомъ дворѣ, хотя ему пришлось вступить въ новыя отношенія и измѣнить нѣсколько направленіе своей дѣятельности.

Эрнстъ Августъ имѣлъ уже около 50 лѣтъ, когда вступилъ на ганноверскій престолъ. Свою молодость онъ провелъ въ лишеніяхъ, и въ сраженіяхъ съ французами, при Концѣ, высказалъ себя храбрымъ человѣкомъ. По внѣшности онъ былъ привлекателенъ и любезенъ. Онъ былъ не очень религіозенъ и мало интересовался наукой, но въ то же время не пренебрегалъ алхиміей и астрологіей [2]); больше всего онъ любилъ увеселенія и путешествія.

Эрнстъ Августъ былъ женатъ на дочери курфюрста Пфальцскаго—Софіи, одной изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ XVII столѣтія. Она обладала блестящимъ умомъ, живостью и остроуміемъ, отлично знала языки; говорила по-итальянски, по-французски, по-англійски и по-голландски; знала исторію и философію. Живость и веселость ея характера способствовали производимому ею очарованію; она умѣла занимать, какъ самыхъ ученыхъ и образованныхъ людей, такъ и простыхъ деревенскихъ дамъ, единственной темой разговора съ которыми могло быть ихъ хозяйство. Время ея проходило въ чтеніи, и научныхъ и политическихъ бесѣдахъ—обстоятельство, которое не мѣшало любви герцогини къ рукодѣлью. Занятія

---

[1]) Ж. М. Н. П. CXXXV, 9 и 53.

[2]) Ib., 276—277.

политикой были однако въ салонѣ герцогини чисто теоретическими. Герцогъ, не любившій постороннихъ вмѣшательствъ, намѣренно удалялъ свою жену отъ дѣлъ [1]).

Не найдя со стороны Эрнста Августа, особеннаго вниманія къ своимъ ученымъ стремленіямъ, Лейбницъ тѣмъ охотнѣе примкнулъ къ обществу герцогини. Отношенія ихъ были самыя дружественныя; Софія посылала Лейбницу книги и журналы, высказывала на нихъ свои взгляды и спрашивала его мнѣнія. Предметомъ частыхъ разговоровъ между ними была философія, которая тогда, благодаря своей связи съ богословіемъ, а также интересу къ послѣднему, имѣла совершенно иное значеніе, чѣмъ теперь: философія рѣшала разнаго рода вопросы религіозной догматики.

При герцогѣ Эрнстѣ Августѣ, положеніе Лейбница однако скоро получило бо́льшую опредѣленность и значеніе, когда дѣло коснулось династическихъ интересовъ Ганновера. Эрнстъ Августъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не сочувствуя раздробленію Германіи, утверждали въ своихъ герцогствахъ такъ называемое jus primogenitiurae, т. е. престолонаслѣдіе старшаго сына. Лейбницъ способствовалъ тому, чтобы такой законъ не встрѣтилъ особеннаго сопротивленія со стороны родственниковъ Эрнста Августа—троюродныхъ братьевъ Рудольфа и Антона Ульриха [2]). Лейбницъ хлопоталъ также въ пользу признанія за Эрнстомъ Августомъ курфирстскаго достоинства, что̀ онъ могъ сдѣлать черезъ молодого Бойнебурга, который былъ камергеромъ австрійскаго императора: въ 1692 г. герцогъ дѣйствительно былъ принятъ въ курфирстскую коллегію. Между тѣмъ политическій горизонтъ Европы омрачился. Воинственные притязанія Людовика XIV становились все болѣе и болѣе очевидными; захваченъ

[1]) Ib. 281—283.

[2]) Ib 298.

былъ французами Страсбургъ, введены были войска въ другіе города Германіи. Лейбницъ, занимавшійся въ то время гидравлическими машинами на Гарцѣ, пишетъ сатиру на Людовика—извѣстное произведеніе Mars Christianissimus, въ которой ѣдко осмѣиваетъ завоевательные планы французскаго короля и негодуетъ по поводу совершенныхъ имъ въ Германіи насилій. Лейбницъ былъ патріотъ.

Кромѣ занятій политикой при герцогѣ Эрнстѣ Августѣ Лейбницъ продолжалъ принимать, хотя и косвенное, участіе въ дѣлѣ поднятія общаго благосостоянія своей страны и личныхъ дѣлъ герцога. Онъ, какъ и герцогу Іоанну, подавалъ ему разнаго рода записки: о разширеніи библіотеки, объ устройствѣ музея и лабораторіи, о необходимости составить статистическій альманахъ. Лейбницъ предлагалъ также ввести въ герцогствѣ обязательное страхованіе и эмиритальную кассу для служащихъ [1]). Изъ всѣхъ предложеній Лейбница герцогъ остановился только на одномъ: на его намѣреніи написать исторію Вельфскаго дома.

Въ подобнаго рода обстоятельствахъ Лейбницъ не переставалъ заниматься религіозными вопросами и философіей. Вопросъ о соединеніи церквей, которымъ интересовался онъ еще при жизни герцога Іоанна Фридриха, послужилъ причиной переписки философа съ Ландграфомъ Эрнстомъ Гессенъ Рейнфельскимъ. Ландграфъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ своего времени. Онъ родился въ 1623 году, и его отецъ далъ ему строго религіозное воспитаніе: четырнадцати лѣтъ онъ совершилъ путешествіе со своимъ учителемъ, чтобы посѣтить реформатскіе университеты. Затѣмъ онъ поступилъ въ военную службу въ періодъ тридцатилѣтней войны [2]). Послѣ Вестфальскаго міра Ландграфъ занялся устройствомъ своихъ дѣлъ, и увлекшись въ Вѣнѣ про-

---

[1]) Ib., 321.

[2]) Ж. М. Н. П. CXXXVI, 456.

повѣдями августинца Стаймоса перешелъ въ католичество [1]). Однако онъ видѣлъ недостатки послѣдняго и мечталъ о соединеніи церквей. Онъ говоритъ, что если бы на землѣ была христіанская церковь, свободная отъ недостатковъ католицизма и протестантизма, то онъ присоединился бы къ ней. Онъ былъ человѣкомъ искреннимъ, прямодушнымъ и гумманнымъ; отличался вѣротерпимостью, заботился о своихъ подданныхъ [2]), былъ женатъ и бережливъ. Подъ конецъ жизни однимъ изъ главныхъ занятій ландграфа была его обширная переписка съ разнаго рода учеными. Поводомъ переписки съ Лейбницемъ послужила выпущенная ландграфомъ книга: „Искренній католикъ“ [3]),—по словамъ Герхардта [4]), очень рѣдкая, такъ какъ она была напечатана всего въ 48 экземплярахъ. Въ книгѣ недостатки католицизма и протестантизма были освѣщены съ необычайной свободой, и она надѣлала шума. Ландграфъ совѣтовалъ—протестантамъ—возвращеніе въ одну общеблаженную церковь, католикамъ—реформу ихъ злоупотребленій. Одинъ экземпляръ этой книги ландграфъ Эрнстъ послалъ герцогу Іоанну Фридриху, послѣ смерти котораго въ 1680 г. потребовалъ ее обратно. Отвѣчая на это требованіе, Лейбницъ просилъ Ландграфа пересылать иногда письма адресованныя имъ Арно, съ которымъ Лейбницъ завязалъ знакомство еще въ Парижѣ и которому о религіозныхъ вопросахъ писалъ изъ Франкфурта на Майнѣ въ 1671 г., но не получилъ отвѣта потому, что Арно боялся раздражать преслѣдовавшихъ его богослововъ [5]). Теперь Лейбницъ возобновилъ переписку сначала посылкой нѣсколькихъ своихъ геометрическихъ открытій, а затѣмъ со-

---

[1]) Ib. 460.

[2]) Ib. 462.

[3]) Полное заглавіе сочиненія было: Der so wahrhaft als ganz aufrichtig und discret—gesinne Katholische».

[4]) Gerh. II, 4.

[5]) Gerch. II, 5.

общеніемъ положеній своей философской системы, которая, наконецъ, была готова въ общихъ чертахъ. Переписка съ Арно продолжалась безъ перерыва въ 1686 и 1687 годахъ и закончилась черезъ три года.

Около того же времени въ 1686 г. Лейбницъ печатно открылъ нападки на картезіанцевъ статьей: Brevis demonstratio erroris memorabilis Cartesii et aliorum circa legem naturalem secundum quam volunt a Deo eandem semper quantitatem motus conservari, qua et in re mechanica abutuntur. Содержаніе этой статьи, гдѣ доказывается, что въ природѣ сохраняется всегда одно и то же количество силы, а не движенія, заставила аббата Кателана выступить въ защиту Декарта въ „Новостяхъ республики писемъ.“ Издателемъ послѣдняго журнала былъ Бейль, и Лейбницъ завязалъ переписку съ нимъ.

Пьеръ Бейль, знаменитый скептикъ и авторъ не менѣе знаменитаго Dictionnaire historique et critique, былъ профессоромъ философіи въ Академіи въ Седанѣ. Послѣ ея закрытія въ 1681 г., онъ занималъ мѣсто учителя въ высшей школѣ въ Роттердамѣ, гдѣ издавалъ упомянутый журналъ, пользовавшійся большимъ успѣхомъ. Вслѣдствіе болѣзни, Бейль въ 1887 г. передалъ изданіе Баснаге де Бовалю. Въ 1693 году, благодаря навѣтамъ одного изъ личныхъ своихъ враговъ, Бейль былъ отстраненъ отъ должности и съ тѣхъ поръ сталъ жить исключительно для науки [1]). Переписка Лейбница съ Бейлемъ началась съ обсужденія возраженій аббата Кателана, а такъ какъ эти возраженія были слабы, то и съ опроверженія мнѣній Мальбранша, изложенныхъ имъ въ VI книгѣ своего „Разысканія истины“. Мальбраншъ былъ втянутъ въ споръ, а мѣстомъ сраженія сдѣлались страницы „Новой республики писемъ“, въ третьей книгѣ которой находятся возраженія Лейбница на отвѣты Кателана и Мальбранша.

[1]) Gerh. III, 23—24.

Путешествіе Лейбница и его возвращеніе въ Ганноверъ.

Между тѣмъ переписка съ Бейлемъ временно прекратилась.—Лейбницъ уѣхалъ на поиски матеріала для своей исторіи Вельфскаго дома. Исходной точкой работы былъ генеалогическій трудъ,—происхожденіе Вельфскаго дома, къ которому принадлежали ганноверскіе герцоги. Только ради этого послѣдняго обстоятельства герцогъ Эрнстъ Августъ согласился дать Лейбницу почти трехъ годовой отпускъ съ сохраненіемъ содержанія [1]). Такъ какъ матеріалы для работы приходилось разыскивать по монастырямъ и старинным библіотекамъ въ рукописяхъ, то осенью 1687 г. Лейбницъ выѣхалъ въ Боварію, а затѣмъ въ Марбургъ и Франкфуртъ, гдѣ попутно познакомился съ картезіанцемъ Вальдшмидтомъ и оріенталистомъ Лудольфомъ. Добившись въ Баваріи результатовъ, которыхъ ему хотѣлось, Лейбницъ отправился въ Вѣну, гдѣ ему, между прочимъ, удалось оказать своему правительству нѣсколько услугъ и гдѣ онъ хлопоталъ объ учрежденіи перваго въ Европѣ историческаго общества [2]). Изъ Вѣны Лейбницъ проѣхалъ для осмотра рудниковъ въ Венгрію. Убѣдившись, что для своего историческаго труда ему нужно посѣтить Италію, ибо только въ архивахъ Модены онъ могъ надѣятся разыскать древнѣйшую исторію дома Эсте, родоначальниковъ Браунгшвейгскихъ герцоговъ, онъ посѣтилъ Венецію и Римъ, гдѣ по обыкновенію завязалъ знакомство съ учеными, особенно съ іезуитомъ Гримальди, который намѣревался отправиться въ Китай [3]). Лейбницъ заинтересовался Китаемъ. Посѣтивъ на нѣкоторое время Неаполь и Флоренцію, Лейбницъ остановился въ Болоньѣ, гдѣ часто бесѣдовалъ со знаменитымъ

---

[1]) Ж. М. Н. П. CXXXV, 343.
[2]) Ib. 334.
[3]) Ib. 339.

анатомомъ Мальпиги [1]). Въ началѣ 1690 г. Лейбницъ вернулся въ Ганноверъ. Желая предпослать своей исторіи Брауншвейгскаго дома геологическое описаніе Ганновера, Лейбницъ написалъ сочиненіе: Protogea seu de prima facie telluris et antiquissimae historiae vestigiis in ipsis naturae momentis, изъ котораго напечаталъ извлеченіе. Эта книга чрезвычайно богата мыслями и занимаетъ видное мѣсто въ исторіи геологіи и палеонтологіи. Лейбницъ полагаетъ, что причиной всѣхъ перемѣнъ на земномъ шарѣ были два дѣятеля—огонь и вода и что остатки растительныхъ и животныхъ царствъ должны служить основаніемъ при изученіи исторіи земного шара [2]). Къ этому же времени пріѣзда Лейбница въ Ганноверъ относится и эпоха, въ которую совершенно сложилась философская система Лейбница. Очевидно, геній его созрѣлъ, обогатившись многочисленными результатами самостоятельныхъ изслѣдованій въ разныхъ областяхъ знанія, окрѣпъ, и настала пора формулировки и обработки результатовъ громаднаго опыта, который, какъ мы видѣли, выпалъ на долю Лейбница. Въ 1695 г. имъ былъ въ первый разъ обнародованъ въ печати очеркъ новой философской системы. Со времени возвращенія въ Ганноверъ въ теченіи пяти лѣтъ Лейбницъ урывками продолжалъ разработывать свои философскія идеи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его корреспонденція съ Никезомъ и Баснаге.

Никезъ, каноникъ въ Дижонѣ, принадлежалъ къ кружку литераторовъ во Франціи, въ которомъ главными дѣятелями были Арно, Николь, кардиналъ де Ретцъ, Боссюетъ, Фенелонъ, Гуэ, Мабильонъ и др. Эти лица состояли между собой въ перепискѣ. Никезъ, человѣкъ живой и сообщительной, занималъ въ этомъ кругу не послѣднее мѣсто. Такъ какъ Лейбницъ находился со многими изъ этихъ литераторовъ въ сношеніяхъ, то Никезъ по-

---

[1]) Ib. 340.

[2]) Ib. 348—349.

желалъ присоединиться къ ихъ числу. Письмо Лейбница къ Фуше о философіи Платона подало къ этому поводъ. Никезъ занимался антикварными изслѣдованіями и интересовался древностью вообще. Письма Лейбница къ Никезу отличаются пестротой содержанія, но нѣкоторыя изъ нихъ посвящены критикѣ философіи Декарта [1]).

Баснаге де Боваль, какъ уже сказано, былъ лицомъ которому Бейль передалъ изданіе „Новостей республики писемъ". Онъ родился въ 1656 г. въ Руанѣ, умеръ въ 1710 г. въ Гагѣ, изданіе журнала Бейля продолжалъ подъ заглавіемъ „Histoire des ouvrages des Savants. Съ Баснаге Лейбницъ вступилъ въ переписку по слѣдующему поводу. Въ сочиненіи. „О вѣротерпимости религій" извѣстный богословъ и историкъ Пелиссонъ, обнародовалъ писанныя къ нему письма Лейбница безъ вѣдома послѣдняго. Письма касались возвращенія протестантовъ въ лоно католической церкви и имѣли цѣлью указать, что по принципамъ католицизма могутъ спастись не только протестанты, но и язычники. Лейбницъ былъ очень недоволенъ, что его имя обнаружено и обратился къ Баснаге съ просьбой затормозить распространеніе указаннаго сочиненія. Другимъ предметомъ корреспонденціи между Лейбницемъ и Баснаге были Animadversiones in principia philosohiae Cartesii, которыя Лейбницъ послалъ въ Голландію для сужденія [2]) о нихъ знаменитыхъ ученыхъ. Animadversiones, кромѣ переписки съ Баснаге, повели къ возобновленію переписки съ Бейлемъ. Корреспонденція съ Никезомъ, Бейлемъ и Баснаге продолжалась долго спустя послѣ обнародованія Лейбницемъ въ печати своей системы. Періоду, которому мы посвятили эту статью, принадлежитъ только ея начало.

---

[1]) Gerh. II 525—526.

[2]) Ib. III, 75—76.

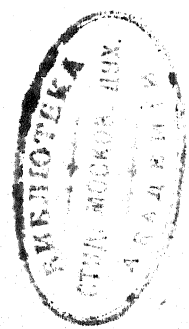
И. И. Ягодинскій
Приватъ-доцентъ Казанскаго Университета.

ПЕРВЫЙ ПЕЧАТНЫЙ ОЧЕРКЪ

ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЫ ЛЕЙБНИЦА

И

ВЫЗВАННЫЯ ИМЪ ПОЛЕМИКА И РАЗЪЯСНЕНІЯ.



12

„Пров 38"

ПРОВ. 1957
Пр.

Основныя идеи динамики Лейбница.

Лейбницъ принадлежалъ къ числу философовъ, строго относившихся къ выработкѣ понятій создаваемой ими системы. Болѣе десяти лѣтъ держалъ онъ въ тайнѣ отъ публики концепцію, которая, послѣ долгихъ предварительныхъ изысканій, наконецъ, удовлетворила его умъ. Лейбницу было симпатично правило Горація nonum prematur in annum и только въ 1695 году, выйдя изъ тѣснаго круга практиковавшихся имъ до сихъ поръ дружескихъ сообщеній, обнародовалъ онъ идеи, внесшія такой яркій свѣтъ въ пониманіе міровыхъ отношеній, пролившія такую свѣжую струю въ общій потокъ европейской мысли. Внѣшнимъ поводомъ къ такому поступку было плохое состояніе здоровья Лейбница. 6-го апрѣля 1695 года онъ писалъ Симону Фуше, канонику въ Дижонѣ, такъ называемому „реставратору академической философіи“ и критику Мальбранша: „Съ нѣкоторыхъ поръ я чувствую себя не совсѣмъ хорошо-обстоятельство, которое побуждаетъ меня опубликовать нѣсколько идей и, между прочимъ, мою систему о связи субстанцій и единеніи души и тѣла.“ [1]) Система была опубликована, менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца, 27 іюня въ Парижѣ, въ Journal des Sçavans, [2]) а „нѣсколько идей,“ о которыхъ

---

[1]) Gerhardt. Die philosophische Schriften von G. W. Leibniz. I B. 420 p.

[2]) Systeme nouveau de la nature et de la communication des substances, aussi bien que de l'union qui'il y a entre l'ame et le corps.

говорило письмо, вѣроятно, указывали на Specimen dynamicum [1]), около того же времени появившійся въ Acta Eruditorum въ Лейпцигѣ. Одно изъ этихъ сочиненій относилось къ области философіи, другое къ области принциповъ механики, но оба служили выраженіемъ одного и того же фазиса въ философскомъ развитіи автора и имѣли между собой тѣсную связь. Задавшись цѣлью разсмотрѣть наличность философскихъ идей Лейбница въ томъ видѣ, какъ онъ счелъ нужнымъ въ первый разъ изложить ихъ въ печати, считая небезъинтереснымъ указать, что̀ авторъ прибавилъ къ нимъ затѣмъ въ поясненіе, мы, чтобъ удобнѣе очертить ихъ связь и характеръ, сначала суммируемъ данныя Specimen dynamicum и перваго печатнаго очерка системы, а потомъ разберемъ полемику, которую поднялъ противъ нея упомянутый Фуше и которая привела Лейбница къ созданію весьма любопытныхъ и важныхъ философскихъ эскизовъ какъ въ печати, такъ и въ письмахъ, непосредственно относящихся къ Systeme nouveau de la nature.

Specimen dynamicum дѣлится на двѣ части. Вторая часть была отыскана въ бумагахъ Лейбница послѣ его смерти и появилась только въ изданіи Герхарта въ 1871 году: на ней мы останавливаться не будемъ. Первая часть имѣетъ ввиду прежде всего опроверженіе картезіанцевъ. Jn rebus corporeis esse alibuid praeter extensionem, imo extensione prius, [2])

---

[1]) Полное заглавіе сочиненія: «Specimen dynamicum pro admirandis naturae legibus circa corporum vires et mutuas actiones detegentibus et ad suas causas revocandis». Въ изданіи математическихъ сочиненій Лейбница Герхардтъ замѣчаетъ, что будучи занятъ другими работами, Лейбницъ сдѣлалъ извлеченіе изъ своего большого сочиненія по динамикѣ: Er zog es vor, die Principien seiner Dynamik in kurzerer Fassung in den Actis Eruditorum zu veröffentlichen. So ist wahrscheinlich die Abhandlungen Specimen dynamicum entstanden. (Leibnizens Mathematishe Schriften herausgeg. von. C. I. Gerhardt. Zweite Abtheilung. Band II, 15—16).

[2]) Ib. 235.

говоритъ Лейбницъ,—одно протяженіе не исчерпываетъ сущности тѣлъ. Сила природы состоитъ не въ простой возможности, но зиждется также на стремленіи и усиліи, которыя имѣютъ полный эффектъ, если нѣтъ противоположнаго стремленія. Сила производится въ самихъ тѣлахъ, составляетъ внутреннюю ихъ сторону и есть нѣчто субстанціальное по своему характеру, протяженіе же есть ни что иное, какъ продолженіе или распространеніи субстанціи, которая сопротивляется и производитъ извѣстныя усилія. „Такъ не похоже на то, чтобъ протяженіе могло образовать субстанцію!“ замѣчаетъ Лейбницъ. Обыкновенно говорятъ, что всякое тѣлесное дѣйствіе происходитъ отъ движенія, а само движеніе порождается тѣломъ или имѣвшимся раньше, или появившимся откуда нибудь въ данный моментъ, но подобное разсужденіе ничего не доказываетъ. Если разобрать дѣло до тонкости, то окажется, что движеніе, какъ и время никогда не обладаетъ реальнымъ бытіемъ, ибо оно никогда не существуетъ, какъ цѣлое, когда не имѣетъ совокупно обнаруживающихъ частей. [1]) Движеніе можетъ быть понято только черезъ посредство своихъ частей. Оно феноменъ. Ничто не обладаетъ большею реальностью въ самомъ себѣ какъ то, что, проявляясь моментально, заключается въ силѣ, стремящейся къ перемѣнѣ. Отсюда ясно, что въ природѣ тѣлъ есть еще свойство, кромѣ протяженія составляющаго объектъ геометріи.

Каковы же качества присущей тѣламъ силы? Держась школьной Аристотелевской терминологіи, Лейбницъ дѣлитъ силу на активную и пассивную. Активная сила двойственна. Она бываетъ или примитивной, сама по себѣ находящейся во всякой тѣлесной субстанціи, или деривативной, вытекающей

---

[1]) Приводимъ подлинникъ этого мѣста: Nam motus (perinde ac tempus) nunquam existit, si rem ad ἀκρίβειαν revoces, quia nunquam totus existit, quando partes coexistentes non habet. Ib.

какъ бы изъ ограниченія первой, благодаря воздѣйствію тѣлъ другъ на друга. Примитивная дѣятельная сила есть не что иное, какъ *ἐντελέχεια ἡ πρώτη* и соотвѣтствуетъ субстанціальной формѣ или душѣ, хотя конечно только до тѣхъ поръ, пока касается общихъ причинъ, которыя иногда бываютъ не достаточны для объясненія частныхъ явленій: можно согласиться съ тѣми, кто отрицаетъ возможность примѣненія формъ къ спеціальнымъ свойствамъ чувственныхъ вещей. [1])

Подобно активный силѣ также двойственна пассивная сила. Примитивная сила страданія и сопротивленія состоитъ въ томъ, что на школьномъ языкѣ называется первой матеріей, благодаря которой тѣло не проникается тѣломъ, но тѣлу тѣло представляетъ препятствіе, такъ что тѣло становится одареннымъ нѣкоторой инерціей, то есть способностью отразить движеніе. Отсюда возникаетъ деривативная страдательная сила, которая проявляетъ себя во второй матеріи. [2]) Такимъ образомъ, деривативная сила—активная и пассивная—есть то, благодаря чему тѣла или взаимно въ актѣ дѣйствуютъ другъ на друга или взаимно другъ отъ друга что либо претерпѣваютъ. Она, по

---

[1]) Ib. 236.

[2]) По поводу встрѣчающихся здѣсь терминовъ «первая и вторая матерія», не лишнее вспомнить, какъ понималъ ихъ Аристотель, у котораго они заимствованы. По Аристотелю это—*ὕλη πρώτη* и *ὕλη ἐσχάτη*. *Ὕλη πρώτη* есть отрицаніе. *Λέγω δ' ὕλην*, говоритъ Аристотель въ Метафизикѣ, *ἣ καθ' αὑτὴν μήτε τι μήτε ποσὸν μήτε ἄλλο μηδὲν λέγεται οἷς ὥρισται τὸ ὄν* (Met. VII, 3. 1029a 20). *Ὕλη πρώτη*—безформенна, безкачественна, безколичественна; она—чистая возможность, присуща всему: *λέγω γὰρ ὕλην τὸ πρῶτον*, замѣчаетъ еще Аристотель, *ὑποκείμενον ἑκάστῳ ἐξ οὗ γίνεταί τι ἐνυπάρχοντος μὴ κατὰ συμβεβηκός*. (Phys. I, 9, 192a 31). Что касается *ὕλη ἐσχάτη* или *ὕλη ἴδιος*, иначе *οἰκεία*, то подъ нею Аристотель подразумѣвалъ матерію въ опредѣленной формѣ, то есть матерію, какъ она намъ является: *ἡ ἐσχάτη ὕλη καὶ ἡ μορφὴ ταὐτὸ καὶ ἕν*. (Metaph. VIII. 6, 1045b 18).

мнѣнію Лейбница, есть нѣчто свойственное пространственному движенію, какъ факторъ, который стремится дать движенію обратное направленіе. [1]) А пространственнымъ движеніемъ, замѣчаетъ Лейбницъ, мы можемъ объяснить всѣ матеріальныя явленія. Движеніе есть безпрерывная перемѣна мѣста.

Изъ понятія движенія выводитъ Лейбницъ понятія скорости, удара, количества движенія, мертвой и живой силы и т. п. [2]) Для подтвержденіе правильности своихъ воззрѣній, критикуя Декарта, Лейбницъ ссылается на другихъ ученыхъ: Галилея, Гюйгенса, Вренна, Валлиса, Маріотта; разсказываетъ исторію своихъ взглядовъ, начиная съ того, какъ онъ увлекался попытками Демокрита и Гассенди дать механическое объясненіе природы и какъ, затѣмъ, онъ сдѣлался приверженцемъ картезіанцевъ. Замѣтивъ однако недостаточность картезіанскихъ теорій, Лейбницъ, какъ сказано, понялъ, что въ тѣлѣ, кромѣ величины и непроницаемости, слѣдуетъ предположить кое-что еще. Отсюда вытекало, что въ физикѣ нельзя обойтись безъ метафизики и что необходимо было принять тѣ законы движенія, которые Лейбницъ называлъ „систематическими." Вотъ эти законы: всякое измѣненіе происходитъ постепенно (per gradus), всякое дѣйствіе имѣетъ противодѣйствіе; новая сила не появляется безъ ущерба предъидущей [3]) и въ дѣйствіи заключается силы не болѣе и не менѣе, чѣмъ въ причинѣ. Отмѣтивъ значеніе метафизики для динамики, Лейбницъ въ концѣ сочиненія проводитъ мысль, что природа вообще можетъ быть изучаема съ одной стороны какъ regnum potentiae—царство силы, черезъ посредство такъ называемыхъ

---

[1]) Gerhardt. Math. Schr. v. Leibniz. Zweite Abtheil. Band. II. 237.

[2]) Ib. 238.

[3]) Этотъ законъ Лейбницъ дословно выражаетъ такъ: nova vis non prodeat sine detrimento prioris, adeoque semper abripiens retardetur ab abrepto nec plus minusve potentiae in effectu, quam in causa contineatur. Ib. 241.

„дѣйствующихъ причинъ," а съ другой какъ regnum sapientiae—царство мудрости, черезъ посредство „причинъ конечныхъ." Съ тѣлами въ природѣ Богъ поступаетъ, какъ архитекторъ по законамъ величинъ т. е. математическимъ, а съ душами, которые, вообще говоря, причастны мудрости, какъ государь—по законамъ морали. [1]) Такимъ образомъ, въ Specimen dynamicum Лейбницемъ вполнѣ проведено различіе между міромъ психическимъ и міромъ тѣлеснымъ въ смыслѣ особенностей изученія того и другого. Одна изъ идей его философіи получила прекрасное выраженіе въ области принциповъ механики и своей спеціальной формой могла для нѣкоторыхъ облегчить пониманіе концепціи, одновременно со Specimen dynamicum изложенной въ „Новой системѣ природы."

Новая система природы.

Первый очеркъ своей системы для печати Лейбницъ подготовилъ не сразу. По свидѣтельству Герхарта, въ его бумагахъ осталось нѣсколько набросковъ и списковъ статьи [2]). Первоначальный набросокъ, напечатанный Герхартомъ [3]), меньше другихъ по объему и не такъ богатъ красотою выраженія сравнительно съ текстомъ, появившимся въ Journal des Sçavans. Та и другая редакція тѣсно связаны съ содержаніемъ только что изложеннаго Specimen dynamicum [4]). Съ

---

[1]) Ib. 243.

[2]) Gerhardt. Philosophische Schrift. v. Leibniz. Band. VI, 414; примѣчаніе.

[3]) Ib, 471.

[4]) «J'ay taché aussi de satisfaire aux objections faites contre mes essays de Dynamique, qui ont de la liaison avec cecy, говоритъ Лейбницъ. Ib. 471 и 477.

чего же начинаетъ Лейбницъ свою Systeme nouveau de la nature? Съ указанія на извѣстный уже намъ фактъ увлеченія механическимъ объясненіемъ природы. Попытавшись дать большую глубину принципамъ механики, Лейбницъ былъ приведенъ къ необходимости принимать во вниманіе не одну только притяжаемую массу, но и понятіе силы. Онъ замѣтилъ, что въ одной матеріи самой по себѣ нельзя найти принципа истиннаго единства—она является только скопленіемъ частей безъ конца. Такимъ образомъ, исходя изъ потребностей чисто механическихъ, Лейбницъ открылъ основаніе своей системы—понятіе „формальнаго атома", ибо „нѣчто матеріальное не можетъ быть въ одно и то же время и матеріальнымъ и совершенно недѣлимымъ, иными словами, не можетъ обладать истиннымъ единствомъ [1])". Изъ Specimen dynamicum мы уже знаемъ, что этотъ формальный атомъ надо понимать „на подобіе того, какъ мы представляемъ себѣ душу" и что Лейбницъ называлъ его—эту первичную силу матеріи—первою энтелехіей. Посмотримъ, какъ Лейбницъ выводилъ изъ этого понятія дальнѣйшія слѣдствія.

Простая, обладающая истиннымъ единствомъ субстанція, училъ онъ, недѣлима. Отсюда слѣдуетъ, что субстанція не можетъ имѣть ни начала, ни конца иначе, какъ путемъ чуда и, что конститутивныя формы субстанціи должны были быть сотворены Богомъ при началѣ міра, и пребываютъ вѣчно. Между субстанціями есть качественная разница: существуютъ души вообще и духи или разумныя души. Послѣднія болѣе

---

[1]) Приведенная цитата соотвѣтствуетъ тексту въ Journal des Sçavans. Впослѣдствіи Лейбницъ исправилъ это мѣсто: je fus contraint de recourir à un point reel et animé pour ainsi dire, ou à un Atome de substance qui doit envelopper quelque chose de forme ou d'actif pour faire un estre complet. Gerhardt. Phil. Schr. IV, 478.

высшаго порядка; повторяя вторую главную мысль своей Specimen dynamicum, Лейбницъ говоритъ, что Богъ управляетъ ими, какъ государь своими подданными, тогда какъ другими субстанціями онъ распоряжается, какъ механикъ своими машинами. Для духовъ сотворено все, ибо присущіе имъ законы ставятъ ихъ выше измѣненій, происходящихъ въ матеріи; и измѣненія матеріи приспособлены къ счастію добрыхъ и наказанію злыхъ".

Къ чему же ведетъ длительность существованія душъ—cette durée, qu'il leur faut attribuer, какъ говоритъ Лейбницъ? Можно думать, что она обусловливаетъ метемпсихозу. Отнюдь нѣтъ. Рожденіе есть только развитіе, видъ своего рода увеличенія; смерть только свертываніе. Происходятъ вѣчныя измѣненія, вѣчная трансформація. Сохраняется, не говоря о душѣ, даже самое животное, его органическая машина, хотя въ такой малой степени, что это иногда незамѣтно для нашихъ чувствъ. Много есть случаевъ, когда затрудняешься съ точностью указать фактъ смерти. „Смерть долгое время можетъ быть принимаема за простое прекращеніе замѣтныхъ дѣйствій, и въ основѣ она никогда не бываетъ чѣмъ либо другимъ у простыхъ животныхъ: свидѣтельствомъ тому служитъ пробужденіе мухъ, утопленныхъ и затѣмъ погребенныхъ подъ порошкомъ мѣла". Нужно впрочемъ сказать, что между превращеніями разумныхъ душъ и другихъ субстанцій мало сходства. Относительно первыхъ Богъ заботится, чтобъ измѣненія въ ихъ матеріи не вели къ потерѣ ихъ личности, къ лишенію свойства быть гражданами общества духовъ.

Лейбницъ строго пытается провести параллель между живой и мертвой природой. Не ограничиваясь изложенными указаніями, онъ замѣчаетъ,—что обыкновенная судьба тѣлесныхъ субстанцій есть видимость: „вещи, о которыхъ думаютъ, что они получаютъ начало и погибаютъ, только являются и

исчезаютъ." Яснѣе всего эта параллель дѣлается въ томъ случаѣ, если обратить вниманіе на природу и искусство. Существуютъ естественныя и искуственныя машины. Машины природы имѣютъ органы дѣйствительно безконечныя по своему количеству. Онѣ такъ хорошо укрѣплены и настолько стоятъ выше всякихъ случайностей, что ихъ нельзя разрушить. Онѣ остаются машинами въ мельчайшихъ своихъ частяхъ, при всѣхъ измѣненіяхъ своей формы. Онѣ однѣ, наконецъ, обладаютъ единствомъ, соотвѣтствующимъ тому, что мы въ насъ самихъ называемъ „я".

Ничего подобнаго нѣтъ въ искусственныхъ машинахъ, въ массѣ вещества, какъ бы она ни была организована. Масса есть механическое соединеніе, сборъ частей подобно тому, какъ это мы видимъ въ часахъ; она лишена субстанціальности. Желая выдѣлить и подчеркнуть понятіе субстанціальной единицы, Лейбницъ говоритъ, что существуютъ только „атомы-субстанціи", реальные источники дѣятельностей и первые абсолютные принципы сложенія вещей. Называя ихъ метафизическими точками, Лейбницъ старается показать ихъ различіе отъ точекъ физическихъ, представляющихъ какъ бы стягиваніе тѣлесныхъ субстанцій, и точекъ математическихъ, представляющихъ только модальности. Существенный признакъ метафизическихъ точекъ Лейбницъ видитъ въ томъ, что имъ свойственны жизненность и своего рода представленія—quelque chose de vital et une espece de perception [1]).

Установивъ понятіе субстанціи, указавъ ея свойства и отмѣтивъ различные виды субстанцій, а также разницу между тѣломъ и душой, законами природы и духа, Лейбницъ переходитъ къ вопросу о связи души и тѣла. Роковой вопросъ, какъ эти двѣ, повидимому toto coelo различныя, вещи могутъ дѣйствовать другъ на друга, предсталъ ему во всей своей

[1]) Gerhardt. P. S. IV, 483.

трудности. Отвѣтъ окказіоналистовъ не былъ, по мнѣнію Лейбница, удовлетворителенъ. Окказіоналисты, только поняли, въ чемъ состояло затрудненіе. Высказавъ вѣрную мысль, что реальнаго вліянія одной субстанціи на другую не существуетъ, для объясненія реально совершавшихся фактовъ они прибѣгали къ чуду. Они, напримѣръ, полагали, что когда душа желаетъ двинуть тѣло, то это тѣло движетъ для нея Богъ. Между тѣмъ въ философіи нужно стараться указывать основанія сообразно съ понятіемъ того, о чемъ идетъ рѣчь. Какимъ же образомъ, признавая, что одна субстанція не дѣйствуетъ на другую, можно, объяснить видимый порядокъ вещей? Единственно путемъ всеобщей согласованности въ дѣйствіяхъ субстанцій. „Богъ изначала сотворилъ душу и всякое другое реальное единство такъ, что все у нихъ проистекаетъ изъ ихъ собственной глубины путемъ полной самопроизвольности въ отношеніи къ нимъ самимъ, и при томъ въ полной сообразности (conformité) съ внѣшними вещами [1])". Внутреннія состоянія сознанія—это явленія, сопутствующія внѣшнимъ вещамъ, и есть какъ бы сны, находящіеся въ правильномъ порядкѣ. Согласованіе субстанцій необходимо вытекаетъ изъ того, что каждая субстанція представляетъ весь міръ совершенно независимо,—какъ если бы кромѣ нея и Бога ничего не существовало. Этимъ согласованіемъ объясняется связь между тѣломъ и душой. Если признать, что „душа находится въ тѣлѣ какъ единство въ результатѣ единицъ, составляющихъ множество", то организованная масса, всегда готовая къ дѣйствію по законамъ тѣлесной машины, при каждомъ эффектѣ или представленіи души, будетъ отвѣчать ей соотвѣтствующими движеніями; подобное соотношеніе, изначала установленное во всѣхъ субстанціяхъ вселенной, и производитъ то, что мы называемъ связью души и тѣла.

---

[1]) Ib. 484.

Подобная, весьма кратко и неполно выраженная Лейбницемъ гипотеза, по его мнѣнію, вполнѣ возможна. Богъ всегда былъ въ состояніи дать душѣ такую внутреннюю силу, которая могла бы безо всякой помощи со стороны другихъ твореній въ надлежащемъ порядкѣ воспроизвести всѣ явленія и представленія, которыя она будетъ имѣть. Самое понятіе субстанціи должно заключать въ себѣ элементъ развитія, иначе субстанція не могла бы дѣйствовать. Между тѣмъ, болѣе или менѣе отчетливо представляя себѣ міръ во всей послѣдовательности его движеній, душа въ ходѣ своихъ представленій естественно пойдетъ соотвѣтственно всѣмъ измѣненіямъ во вселенной. Гипотеза, замѣчаетъ Лейбницъ, даетъ удивительную идею о гармоніи вселенной и совершенствѣ тѣлъ Божіихъ“ [1]). Этимъ результатомъ полезность гипотезы однако не исчерпывается. Признавая независимость субстанцій отъ вліянія другихъ твореній, ея замкнутость въ себѣ самой, она проливаетъ свѣтъ на безсмертіе нашей души и доказательство бытія Бога. То, что абсолютно независимо, очевидно не можетъ разрушиться, а согласованіе безконечнаго множества составляющихъ міръ субстанцій, очевидно не мыслимо безъ общей причины, которая должна заключаться въ Богѣ. Лейбницъ думаетъ, что помимо его гипотезы едва-ли можно объяснить вещи понятнымъ образомъ. Обычный способъ выраженія, принятый въ языкѣ, не противорѣчитъ ей. Та субстанція, состояніе которой даетъ понятное объясненіе измѣненій въ другихъ субстанціяхъ, можетъ быть разсматриваема, какъ оказывающая дѣйствіе на другія субстанціи. Между тѣмъ это пониманіе дѣйствія одной субстанціи на другую полезно даже въ физикѣ, ибо „при ударѣ тѣлъ каждое изъ нихъ претерпѣваетъ дѣйствіе, только благодаря своей собственной

[1]) Ib. 485.

упругости, вслѣдствіе движенія уже существующаго [1])". Понятіе силы, введенное Лейбницемъ въ динамику, сближаетъ, какъ мы видѣли, физику съ метафизикой.

Таковъ въ краткихъ чертахъ комплексъ идей, высказанныхъ Лейбницемъ въ первомъ печатномъ очеркѣ его философской системы. Изложенныя весьма сжато, онѣ вызвали критику и потребовали разъясненій. Въ качествѣ критика первымъ выступилъ Симонъ Фуше.

Возраженія Фуше.

28 апрѣля 1695 года Фуше писалъ Лейбницу: „Я въ высшей степени радъ сообщенію, что вы намѣрены отдать въ печать свою „систему совмѣстности" (Systeme de la concomitance). Все, что достанется отъ такого способнаго человѣка, какъ вы, можетъ быть только полезнымъ для публики. По поводу нея вы кое-что написали мнѣ около десяти лѣтъ назадъ [2]), но предметъ требовалъ разъясненія и я подожду съ удовольствіемъ, лишь бы только вы не замедлили сдержать свое обѣщаніе: мои размышленія продолжаются постоянно и умъ работаетъ безъ отдыха, но при всемъ томъ, я ничего не сочиняю, будучи совершенно увѣренъ, что печатаніе безполезно въ то время, когда книжная торговля пріостановилась [3])". Нежеланіе Фуше сочинять однако прошло. 5-го іюля того же года Лейбницъ сообщилъ ему, что, въ случаѣ успѣха системы въ публикѣ, онъ напечатаетъ еще

---

[1]) Ib. 486.

[2]) Изъ печатнаго возраженія Фуше видно, что онъ даже отвѣчалъ на это письмо Лейбница. Отвѣта, къ сожалѣнію, не сохранилось такъ же, какъ и самого письма.

[3]) Gerh. Phil. Schrif. I, 422.

нѣсколько мыслей de fato et contingentia въ поясненіе существенной разницы между тѣлами и духами[1]), а въ ближайшемъ сентябрѣ въ томъ же журналѣ, гдѣ была помѣщена Systeme nouveau, появились возраженія на нея Фуше.

Фуше плохо понималъ Лейбница. Повидимому во многомъ соглашаясь съ нимъ, онъ своеобразно перетолковывалъ мысли Лейбница. Признавая, напримѣръ, что исходной точкой системы послѣдняго служитъ понятіе индивидуаціи, онъ полагалъ, что по Лейбницу протяженіе есть вещь „химерически сложенная"; онъ видѣлъ, что есть два рода единствъ: единство реальное и единство отношеній или композиціи, но, переходя къ вещамъ онъ помѣщалъ въ одинъ и тотъ же разрядъ единство часовъ и животнаго. [2]) Фуше поражали нѣкоторыя слѣдствія изъ системы Лейбница. Считая произшедшее въ силу принципа индивидуаціи расположеніе органовъ животнаго не достаточнымъ для того, чтобъ объяснить въ животныхъ ощущеніе, Фуше на этомъ основаніи, не находилъ возможнымъ придавать животнымъ чувственное начало, субстанціально различное отъ чувственнаго начала въ человѣкѣ, а чѣмъ же тогда различался бы человѣкъ отъ животнаго? По мнѣнію Фуше система Лейбница не рѣшала этого затрудненія.

Больше всего Фуше обратилъ вниманія на гипотезу „совмѣстности субстанціи". Вѣрно указавъ на тѣсную связь ее съ предположеніями окказіоналистовъ, онъ совершенно неправильно толковалъ ея значеніе. Онъ говорилъ, что она создана post factum, что въ ней можно видѣть только реабилитацію даннаго порядка вещей, напр. дѣйствія души на тѣло, и что въ сущности она ничего не объясняетъ. Фуше толковалъ также о достоинствѣ Божіемъ. „Развѣ нельзя спросить, писалъ Фуше, почему Богъ совершенно не довольствуется тѣмъ,

---

[1]) Ib. 423.
[2]) Ib. IV, 488.

что только производитъ всѣ мысли и модификаціи въ душѣ, будь то непосредственно или при помощи искуства, хотя бы и были безполезныя тѣла, которыя духъ не можетъ ни приводить въ движеніе, ни познать". [1]) Тѣла могли бы и не имѣть для Бога значенія закона, котрому онъ долженъ былъ слѣдовать, принимая его при своихъ дѣйствіяхъ во вниманіе. Наконецъ, по поводу ученія Лейбница объ усиліи, дѣйствіи и противодѣйствіи, Фуше замѣчалъ, что почти тоже самое о дѣйствіи души на тѣло высказалъ Блаженный Августинъ.

Общій характеръ выраженій Фуше былъ, такимъ образомъ, поверхностенъ. Фуше не столько опредѣленно выразилъ какой нибудь новый взглядъ на дѣло, не столько освѣтилъ разбираемые въ системѣ Лейбница вопросы съ новой точки зрѣнія, сколько наставилъ новыхъ вопросовъ, еще болѣе запутавъ пониманіе безъ того краткаго, а при новости идей, еще и труднаго очерка —„Новой системы природы". Лейбницъ хотѣлъ сообщить публикѣ двѣ мысли: о понятіи субстанціи и связи субстанцій между собой, благодаря которой объяснялось взаимодѣйствіе между душой и тѣломъ. Первая мысль, болѣе простая, встрѣтила затрудненіе главнымъ образомъ въ смыслѣ толкованія словъ „реальное единство"; вторая, болѣе сложная и глубокая, казалась или совершенно излишней, рядомъ съ идеями картезіанцевъ, или совершенно непонятной. Въ формѣ отвѣтовъ на письмо Фуше, выдержками изъ котораго мы воспользуемся по мѣрѣ подобности, Лейбницъ старался разъяснить ту и другую.

Примѣчанія Лейбница къ письму Фуше.

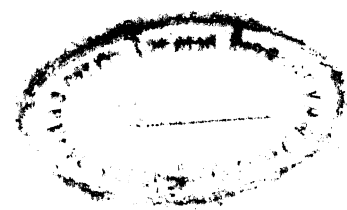
По полученіи книжки журнала съ возраженіями „реставратора академической философіи", Лейбницъ снялъ съ нихъ

[1]) Ib, 439.

копію, и, вѣроятно, подъ первымъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, сдѣлалъ примѣчанія. Эти примѣчанія настолько любопытны, что мы остоновимся на нихъ спеціально тѣмъ болѣе, что съ нихъ начинается полемика между философами.

По поводу понятія истиннаго единства, Фуше возражалъ Лейбницу: „Есть основаніе требовать единствъ, которыя производили бы композицію и реальность протяженія.. но вѣчно дѣлимое единство есть только нѣчто химерически сложное, принципы котораго совершенно не имѣютъ реальнаго существованія. Основаные принципы протяженія не могутъ существовать реально."

Вотъ что замѣчалъ на это Лейбницъ: „Повидимому, авторъ возраженій не совсѣмъ понялъ мою мысль. Протяженіе или пространство, поверхности, линіи и точки, по скольку онѣ доступны понятію, суть только отношенія порядка или порядковъ сосуществованія, какъ для существующаго въ дѣйствительности, такъ и для возможнаго, по скольку мы въ состояніи поставить его на мѣсто того, что есть. Онѣ имѣютъ сложные принципы не больше, чѣмъ число. Какъ дробное число, напримѣръ, можетъ быть раздѣлено на двѣ четверти или четыре восьмыхъ и такъ далѣе, до безконечности, хотя нельзя дойти до самыхъ малыхъ дробей и понять число, какъ цѣлое, образованное черезъ соединеніе послѣднихъ элементовъ, такъ же точно дѣло обстоитъ и относительно линіи, которую можно дѣлить совершенно подобно этому числу. Число $^1/_2$, взятое абстрактно, есть совершенно простое отношеніе ничуть, не образованное черезъ сложеніе другихъ дробей, хотя въ счетѣ (dans les choses denombrées) существуетъ равенство между $^2/_4$ и $^1/_2$. То же можно сказать относительно абстрактной линіи:—композиція реально существуетъ только въ конкректныхъ линіяхъ, или массахъ, отношенія которыхъ означаютъ эти линіи; въ такомъ смыслѣ употребляются математическія точки, представляющія еще только модальности, такъ



сказать, концы. И такъ какъ въ абстрактной линіи все неопредѣленно, то она можетъ относиться къ какому угодно предмету. Но въ вещахъ дѣйствительно субстанціальныхъ, цѣлое есть результатъ или собраніе простыхъ субстанцій, или даже множество реальныхъ единицъ. И это образуетъ смѣшеніе идеальнаго и реальнаго, которое всѣхъ сбиваетъ съ толку и производитъ лабиринтъ de compositione continui. Тѣ, кто слагаетъ линію изъ точекъ, искали первичныхъ элементовъ въ идеальныхъ вещахъ или отношеніяхъ совсѣмъ не такъ, какъ бы слѣдовало; и тѣ, кто нашли, что отношенія, вродѣ числа или пространства, (которое заключаетъ порядокъ или отношеніе возможныхъ сосуществующихъ вещей) не могутъ быть образованны черезъ соединеніе точекъ, были по большей части виноваты въ томъ, что отрицали первые элементы субстанціальныхъ реальностей, какъ будто бы послѣднія совсѣмъ не имѣли первичныхъ единствъ или какъ если бы совсѣмъ не было простыхъ субстанцій. Но число и линія не есть химерическія вещи, хотя они не имѣютъ подобной композиціи, ибо они есть результатъ отношеній, заключающихъ въ себѣ вѣчныя истины, по которымъ направляются явленія природы. Такимъ образомъ, можно сказать что $^1/_2$ и $^1/_4$, взятые абстрактно, не зависятъ одна отъ другой или, скорѣе, что все отношеніе $^1/_2$ есть отношеніе предшествующее (въ смыслѣ разума, какъ говорятъ схоластики) отношенію частичному $^1/_4$, такъ какъ это происходитъ черезъ подраздѣленіе половины, когда достигаютъ четверти, разсматривая идейный порядокъ; и то же самое относительно линіи, гдѣ цѣлое есть нѣчто предшествующее по отношенію къ части, ибо эта часть есть только нѣчто возможное и идейное. Но въ реальностяхъ, куда входятъ дѣйствительныя дѣленія, цѣлое есть только результатъ или собраніе, какъ стадо барановъ; правда, что количество простыхъ субстанцій, которыя входятъ въ массу, какъ бы она ни была мала, неисчислимо; кромѣ души, кото-

рая образуетъ реальное единство животнаго, тѣло, напримѣръ, барана подраздѣлимо дѣйствительно, то есть оно представляетъ собраніе животныхъ или невидимыхъ растеній, въ свою очередь имѣющихъ сложное строеніе за исключеніемъ того, что составляетъ ихъ реальное единство; и хотя бы это шло до безконечности, ясно, что въ концѣ счета все сведется къ этимъ единствамъ, остальное же, то есть результаты будутъ только хорошо обоснованными явленіями [1])".

Такимъ образомъ, Лейбницъ, въ первомъ же своемъ примѣчаніи, проводитъ рѣзкое различіе между единствомъ аггрегата и субстанціи, а также между тѣмъ, что имѣетъ бытіе идейное и реальное. Другое примѣчаніе Лейбница къ письму Фуше касалось принципа ощущенія. Лейбницъ замѣчаетъ, что онъ имѣлъ право существенно различать принципъ ощущенія въ душѣ животныхъ и человѣка. Не найдено, что животныя предаются размышленіямъ, которыя присущи разуму и, давая знаніе необходимыхъ истинъ или наукъ, представляютъ душу, способную имѣть личность. „Животныя, говоритъ Лейбницъ, различаютъ добро и зло, имѣя перцепцію, но они не способны къ добру и злу моральному, которыя предполагаютъ разумъ и сознаніе".

Остальныя примѣчанія касаются дѣйствія субстанцій другъ на друга, достоинства Бога и понятія силы.

Фуше находилъ, что художество въ субстанціяхъ—ихъ способность представлять весь міръ,—безполезно: оно служитъ только къ тому, чтобы заставлять насъ вѣрить въ то, чего нѣтъ, т. е., что будто бы субстанціи дѣйствуютъ другъ на друга. Лейбницъ замѣчаетъ: „это великое художество, которое производитъ соотвѣтствіе каждой субстанціи всѣмъ другимъ, необходимо по той причинѣ, что всѣ эти субстанціи есть дѣйствія нѣкоторой высшей мудрости; и не было бы воз-

[1]) Ib., 491—2.

можно (по крайней мѣрѣ въ порядкѣ природы и безъ чудесъ) удержать иначе ихъ подчиненность и перемѣны однихъ въ зависимости отъ другихъ (par les autres ou suivant les autres). Ради обычнаго пониманія можно, конечно, согласиться, что однѣ изъ нихъ дѣйствуютъ на другія, но дѣйствіе между сотворенными субстанціями состоитъ только въ зависимости, которую однѣ имѣютъ отъ другихъ, слѣдуя прирожденному устройству, данному имъ Богомъ. Когда мы представляемъ себѣ вліяніе однѣхъ на другія, то впадаемъ въ заблужденіе, происходящее отъ нашей ошибки, при недостаточности разсужденій. Богъ такъ же не былъ обязанъ создавать систему, въ которой мы не были бы предметомъ обмана для самихъ себя, какъ не былъ обязанъ избѣгать системы движенія земли, чтобъ гарантировать насъ отъ ошибки, въ которую впали почти всѣ астрономы до Коперника". [1]).

Разъяснивъ вопросъ о соотвѣтствіи субстанцій, Лейбницъ затронулъ понятіе творенія. Не въ томъ дѣло, какъ утверждалъ Фуше, что было бы достойнѣе Божества сразу сотворить и мысли и измѣненія въ душѣ, не принимая въ соображеніе тѣлъ. Богъ творилъ сразу, но не мысли, (ибо они должны слѣдовать другъ за другомъ), а природу, которая производитъ ихъ по порядку. „И вотъ, прибавляетъ Лейбницъ, получается именно то, чего я хочу: тѣло только отвѣчаетъ мыслямъ. Но тѣла были бы необходимы не только для того, чтобъ произвести наши единства и души, но еще единства и души другихъ субстанцій, животныхъ и растеній, которыя находятся въ нашемъ тѣлѣ и въ тѣлахъ насъ окружающихъ".

Объ усиліи въ тѣлахъ Лейбницъ замѣчаетъ: „хотятъ показать, что тѣла дѣйствуютъ другъ на друга. Но усиліе находится въ нихъ и не приходитъ отъ однихъ тѣлъ къ другимъ.

[1]) Ib. 493.

Оно есть не что иное, какъ стремленіе къ перемѣнѣ по законамъ каждаго тѣла отдѣльно". [1]).

Такой мыслью заканчиваются примѣчанія Лейбница къ письму Фуше.

Разъясненіе новой системы природы.

Изложенныя примѣчанія были, такъ сказать, неоффиціальной частью полемики Лейбница.

Печатно онъ выступилъ противъ Фуше въ своемъ „Разъясненіи." [2]) „Разъясненіе" ниже примѣчаній; оно даже иногда мелочно. Лейбницъ обращаетъ вниманіе на случайныя выраженія Фуше. Замѣчая по поводу принциповъ протяженія, что ему хотѣлось дать только принципы реальнаго протяженія или тѣлесной массы, онъ оспариваетъ приведенный Фуше примѣръ единства въ часахъ и животныхъ: по его системѣ, животное есть субстанція, одаренная истиннымъ единствомъ, а часы есть только сборная вещь. Лейбницъ соглашается, что чувствующее начало животныхъ заключается не въ расположеніи органовъ, но выводъ Фуше, что если признать это чувственное начало, то животнымъ необходимо приписать и разумъ—ему кажется слѣдствіемъ, которому нѣтъ доказательствъ.

Болѣе цѣнныя разъясненія Лейбницъ дѣлаетъ по поводу второй части своего очерка. „Моя гипотеза гармоніи или согласованности субстанцій, пишетъ онъ, вытекаетъ изъ моей

---

[1]) Ib.

[2]) Eclaircissement du nouveau systeme de la communication des substances pour servir de reponse à ce qui en est dit dans le Journal (des Sçavans) du 12 Septembre 1695 г. Статья появилась въ томъ же журналѣ въ февралѣ 1696 г.

[3]) Garhardt. Phil. Schr. IV, 494.

мысли о единствахъ“ [3]). Такое утвержденіе даетъ ему поводъ перейти къ вопросу Фуше о безполезности его гипотезы и, отвѣчая по существу, точнѣе, чѣмъ въ изложенныхъ примѣчаніяхъ, опредѣлить ея достоинство. Во первыхъ, страненъ самый вопросъ, говоритъ Лейбницъ. Разъ извѣстная вещь есть, то нѣтъ необходимости для ея признанія спрашивать, къ чему она служитъ? Къ чему служитъ несоизмѣримость стороны квадрата съ діагональю? Во вторыхъ, гипотеза гармоніи объясняетъ связь субстанцій и единеніе души и тѣла по заранѣе обоснованнымъ законамъ природы, безъ всякой передачи въ пространствѣ, совершенно не соотвѣтствующей дѣлу, и помимо новой помощи Божества, которая даже мало прилична: слѣдуетъ знать, что законы природы есть какъ и въ матеріи, такъ и въ душахъ. Въ третьихъ, „я думаю, прибавляетъ Лейбницъ, польза моей гипотезы можетъ быть узнана по трудности, которую наиболѣе способные философы нашего времени нашли въ единеніи души и тѣла и даже тѣлесныхъ субстанцій между собой“ [1]).

Указавъ выгоды своей гипотезы и ея важность, Лейбницъ обращаетъ вниманіе на то, что его система стремится доказывать истины изъ первыхъ принциповъ [2]). Фуше упрекнулъ его, что она создана, такъ сказать, post factum. Лейбницъ отвѣчаетъ, что всѣ системы идутъ post factum: если же хотятъ сказать, что онъ былъ приведенъ къ своей гипотезѣ еще благодаря размышленіямъ a priori, благодаря извѣстнымъ принципамъ, какъ и есть на самомъ дѣлѣ, то это можетъ служить ей только въ похвалу. Вообще для гипотезы достаточно, чтобы она доказывалась à posteriori, ибо гипотеза имѣетъ назначеніе удовлетворять явленіямъ; если же она

---

[1]) Ib. 496.
[2]) Ib. 497.

имѣетъ еще другое подтвержденіе à priori, то ея достоинства увеличиваются во много разъ больше.

„Eclaircissement“ Лейбница иногда дополняетъ то, что было имъ высказано въ „примѣчаніяхъ“. Снова трактуя вопросъ о значеніи тѣлъ, онъ говоритъ: „Безполезныхъ субстанціи нѣтъ вовсе. Онѣ всѣ имѣютъ мѣсто въ намѣреніяхъ Бога“. „Мнѣ не извѣстны безплодныя массы, безполезныя и недѣятельныя, о которыхъ толкуютъ обыкновенно. Дѣйствіе находится всюду. Нѣтъ ни тѣла безъ движенія, ни субстанціи безъ активной силы: (sans effort [1])“). Понятіе силы, служащее, какъ мы видѣли, основаніемъ механики, Лейбницъ особенно старается разъяснить. По поводу этого онъ въ первый разъ употребляетъ выраженіе „предустановленная гармонія“, которое потомъ сдѣлалось нарицательнымъ для означенія его системы и, тотчасъ же послѣ своего появленія, вошло во всеобщее употребленіе. „Дѣйствительно, пишетъ Лейбницъ, активныя силы есть во всѣхъ субстанціяхъ, но эти силы существуютъ собственно только въ самой субстанціи; и то, что является, какъ слѣдствіе въ другихъ—происходитъ только въ силу предустановленной гармоніи, если можно употребить это слово, а ничуть не черезъ реальное вліяніе или черезъ уступку нѣкотораго пространства или качества. Дѣйствіе и страданіе можно понимать, какъ силу и сопротивленіе [2])“.

Въ концѣ своего отвѣта Фуше, Лейбницъ прибавляетъ замѣчаніе, по вопросамъ динамики; мы приведемъ его почти цѣликомъ. „Декартъ думалъ, пишетъ Лейбницъ, что сохраняется одно и то же количество движенія въ тѣлахъ. Дознано, что онъ въ этомъ ошибался; я доказалъ вѣчную истину, что сохраняется одна и та же движущая сила,

---

[1]) Ib. 495.
[2]) Ib. 496.

для которой было взято количество движенія. Однако перемѣны, образующіяся въ тѣлѣ вслѣдствіе измѣненій души, задерживаютъ тѣло такъ, что оно повидимому, нарушаетъ этотъ законъ. Полагали, что нашли уловку, которыя и въ самомъ дѣлѣ геніальна, говоря, будто слѣдуетъ различать движеніе и направленіе; душа не можетъ увеличивать или уменьшать движущую силу, но она измѣняетъ направленіе или опредѣленіе хода умственныхъ отправленій у животныхъ, благодаря чему происходятъ волевыя движенія". „Между тѣмъ, нужно знать, что есть другой законъ природы, который я открылъ и доказалъ, и котораго не зналъ Декартъ. Онъ гласитъ, что сохраняется не только одно и то же количество движущей силы, но еще одно и то же количество направленія съ любой стороны, какую ни взять въ мірѣ. Проведите по желанію прямую и возьмите сколько и какихъ угодно тѣлъ. Разсматривая всѣ эти тѣла вмѣстѣ и не опустивъ ни одного изъ тѣхъ, которыя дѣйствуютъ на тѣло, взятое вами, вы найдете, что въ такомъ случаѣ всегда будетъ одно и то же количество поступательнаго движенія (progrès) съ той же самой стороны на всѣхъ линіяхъ, параллельныхъ взятой прямой [1]). Этотъ законъ, будучи такъ же хорошъ и общъ, какъ первый не заслуживаетъ того, что бы имъ пренебрегали: и это достигается въ моей системѣ, которая сохраняетъ движеніе и направленіе, однимъ словомъ, всѣ естественные законы тѣла,—независимо отъ перемѣнъ, которыя образуются въ нихъ вслѣдствіе законовъ души". Такъ заканчиваетъ Лейбницъ разъясненіе своей системы въ печатномъ отвѣтѣ Фуше.

---

[1]) «Prenant garde, qu'il faut estimer la somme du progrès, en ostant celui des corps qui vont en sens contraire de celuy de ceux qui vont dans le sens qu'on a pris» добавляетъ Лейбницъ (Ib. 497-8). Сравни. 12 и 18 предложенія Динамики (Gerhardt. Math. Schrif. zw-te Abth. Band II; 479 и 487).

Переписка по поводу опубликованія системы.

„Новая система природы“ глубиной своихъ мнѣній и оригинальностью концепціи заинтересовала не одного Фуше. Имѣвшій огромную корреспонденцію Лейбницъ долженъ былъ удовлетворять запросы всѣхъ, кто такъ или иначе не съумѣлъ освоиться съ новизной изложенныхъ въ его очеркѣ идей. Одному онъ разъяснялъ связь души и тѣла, другому законы движенія, третьему указывалъ исходный пунктъ своихъ разсужденій. У Лейбница нашлись почитатели и противники. Бейль [1]) и Лами [2]) выступили съ новыми печатными возраженіями такъ же, какъ и возраженія Фуше, вызвавшими серьозную полемику. Ближайшія разъясненія системы, появившіяся тотчасъ же вслѣдъ за ея опубликованіемъ, находятся въ перепискѣ Лейбница.

24-го сентября 1695-г. Лейбницъ писалъ канонику Никезу, „Я послалъ аббату Фуше нѣчто философское. Онъ помѣстилъ это въ Journal des Sçavans, согласно моему намѣренію, но онъ возражаетъ на мою статью въ журналѣ. Я могъ бы сказать ему то же, что король сказалъ Гроту, посланнику штатовъ, непосредственно передъ первою войной: я бы желалъ видѣть ваше письмо напечатаннымъ прежде, чѣмъ получить его написаннымъ“ [3]). Около того же времени Лейбницъ писалъ Баснаге, издателю Novelles de la République des lettres, „Одинъ изъ моихъ парижскихъ друзей вытянулъ у меня нѣсколько философскихъ мыслей; онѣ напечата-

---

[1]) Пьеръ Бейль въ своемъ «Историческимъ и Критическомъ словарѣ» возражалъ противъ системы Лейбница, въ статьѣ «Rorarius», въ первый разъ въ 1697 году.

[2]) Бенедиктинецъ Франсуа Лами былъ авторомъ книги «Connaissance de soy même», вышедшей въ 1699. Изложенныя въ ней возраженія были направлены преимущественно на предустановленную гармонію.

[3]) Gerh. Phil. Schrif. 1, 555.

ны въ Journal des Sçavans. Тамъ между прочимъ есть новая гипотеза о связи субстанцій и единенія души и тѣла; конечно, я счелъ нужнымъ скрыть свое имя, такъ какъ мало есть лицъ, способныхъ здраво понять этотъ предметъ". Изъ этого письма, представляющаго краткое изложеніе системы въ популярномъ видѣ, мы приведемъ только postscriptum, впослѣдствіи дополненный Лейбницемъ свѣдѣніями объ одной математической задачѣ и помѣщенный имъ въ Journal des Sçavans въ ноябрѣ 1696 г. въ качествѣ второго печатнаго разъясненія его системы. [1]).

„Нѣсколько ученыхъ и проницательныхъ друзей, пишетъ Лейбницъ, разсмотрѣвъ мою новую гипотезу о великомъ вопросѣ единенія души и тѣла и выведя изъ нея слѣдствія, просили меня дать нѣсколько разъясненій относительно трудностей, къ которымъ она ведетъ и которыя происходятъ отъ того, что ее плохо поняли. Я полагаю, что можно дать нѣчто понятное для всякаго сорта умовъ, благодаря нижеслѣдующему сравненію.

Представьте себѣ двое стѣнныхъ или карманныхъ часовъ, совершенно согласующихся другъ съ другомъ, это согласованіе можетъ происходить тремя различными способами. Первый состоитъ во взаимномъ вліяніи однихъ часовъ на другія; второй, въ заботахъ человѣка, который о нихъ печется; третій въ ихъ собственной точности. Первый родъ, гдѣ все зависитъ отъ вліянія, былъ испытанъ Гюйгенсомъ, къ его великому удивленію. Онъ имѣлъ два большихъ маятника, прикрѣпленныхъ къ одному и тому же куску дерева; біеніе этихъ маятниковъ сообщало дрожаніе частицамъ дерева, но эти разли-

[1]) Extrait d'une lettre de M. D. L. sur son Hypothese de Philosophie, et sur le probleme curieux, qu'un des ces amis propose aux Mathematiciens avec un éclaircissement sur quelques points contestés dans les Journaux precedens entre l'Auteur des principes de physique et celuy des objections. Journal des Scavans. 1696 г. 373 p.).

чныя дрожанія не могли существовать въ порядкѣ и безъ помѣхи другъ другу, если только маятники не согласовались, и бывало чудомъ, что, при явномъ смущеніи ихъ боя, они вскорѣ возвращались къ тому, чтобы бить вмѣстѣ, какъ двѣ струны, звучащія въ унисонъ.

Второй способъ согласовать двое стѣнныхъ часовъ, хотя и плохихъ, можетъ заключаться въ томъ, чтобы всегда заботиться о нихъ черезъ посредство способнаго работника, каждый моментъ приводящаго ихъ въ согласіе. Это то, что я называю путемъ помощи.

Наконецъ третій способъ будетъ состоять въ томъ, чтобы сдѣлать изначала два маятника съ такимъ искуствомъ и точностью, которыя давали бы увѣренность въ ихъ послѣдующихъ совпаденіяхъ. Это путь предустановленнаго согласія. Поставьте теперь душу и тѣло на мѣсто этихъ двухъ часовъ; ихъ согласіе или симпатія будутъ происходить посредствомъ одного изъ этихъ трехъ способовъ. Путь вліянія—это путь вульгарной философіи; но такъ какъ нельзя понять ни матеріальныхъ частицъ, ни видовъ, ни матеріальныхъ качествъ, которые могли бы происходить отъ одной изъ этихъ субстанцій въ другой, то необходимо оставить это мнѣніе.

Путь помощи—это путь окказіонализма; но я думаю, что быть окказіоналистомъ значитъ прибѣгать къ Deus ex machina въ вещи естественной и обыкновенной, куда не должно вмѣшивать разума иначе, какъ для того, чтобъ онъ содѣйствовалъ всѣмъ прочимъ вещамъ природы. Такимъ образомъ остается только моя гипотеза т. е. путь предустановленной гармоніи, возможный черезъ посредство божественнаго художника, который до начала міра образовалъ каждую изъ субстанцій столь совершенно и правильно, съ такой точностью, что, слѣдуя только своимъ собственнымъ законамъ, полученнымъ ею вмѣстѣ со своимъ бытіемъ, она согласуется съ другой, совсѣмъ какъ если бы тутъ было дѣйствительно взаимное вліяніе или какъ если бы Богъ всегда простиралъ

тутъ руку за своей повсѣмѣстной помощью. Послѣ сказаннаго я не думаю, что еще нужны какіе нибудь доказательства, если не хотятъ, что бы я доказывалъ, что Богъ имѣетъ все необходимое для роли такого предвидящаго художника, котораго отблески мы видимъ даже среди людей, по мѣрѣ того, какъ они являются способными къ творчеству" [1]).

Въ концѣ письма Лейбницъ разъясняетъ свои воззрѣнія на матерію. „Я не понимаю, какъ матерія можетъ получать начало, быть протяжена и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣть частицъ, дѣйствительныхъ или воображаемыхъ; если это такъ, то непонятно, что значитъ быть протяженнымъ. Я думаю, однако, что нѣтъ атомовъ—частей совершенно твердо и несокрушимо крѣпкой матеріи; я не болѣе вѣрю и въ то, что матерія обладаетъ совершенной текучестью. Мое мнѣніе таково, что каждое тѣло текуче въ сравненіи съ болѣе твердымъ и твердо въ сравненіи съ болѣе текучимъ" [2]).

Въ мартѣ 1696 года въ Ганноверѣ, у супруги курфирста Софіи, Лейбницъ встрѣтился съ Ванъ Гельмонтомъ, который вмѣстѣ съ нимъ проводилъ каждое утро въ кабинетѣ курфюрстыни, гдѣ велись ученые разговоры. Слѣдомъ этихъ разговоровъ осталось извѣстіе Лейбница, составленное имъ въ сентябрѣ 1696 года.

Полемизируя съ Ванъ Гельмонтомъ противъ ученія о метемпсихозѣ, Лейбницъ излагаетъ въ немъ свои взгляды по вопросу о жизни и смерти.

„Я согласенъ со всѣмъ міромъ, пишетъ Лейбницъ, что животныя имѣютъ истинныя, чувствующія души. Я подтверждаю также съ большинствомъ древнихъ, что вся природа полна силы, жизни и душъ. Ибо извѣстно, благодаря микроскопу, что есть великое количество живыхъ твореній, недоступ-

---

[1]) Gerh. Phil. Schrif. IV, 500—1.
[2]) Ib. 502—3.

ныхъ зрѣнію, и что существуетъ больше душъ, чѣмъ зеренъ песку или атомовъ. Но я также утверждаю, какъ это дѣлалъ Платонъ, а раньше него Пиѳагоръ, который вынесъ это мнѣніе съ востока, что совсѣмъ нѣтъ души, которая бы погибала, будь это даже душа животнаго". Указавъ на единство, какъ на „истинный источникъ и основаніе всѣхъ существъ, силъ и чувствъ", Лейбницъ выводитъ отсюда слѣдствіе, что „каждая душа нетлѣнна". Ѳома Аквинатъ уже сказалъ, продолжаетъ Лейбницъ, что души животныхъ недѣлимы. Отсюда слѣдовало, что онѣ нетлѣнны. Очевидно, Ѳома Аквинатъ не хотѣлъ изложить дѣла яснѣе, довольствуясь тѣмъ, чтобы только заложить фундаментъ. „Послѣ смерти, говоритъ дальше Лейбницъ, мы не помнимъ сначала о томъ, кто мы были, но, мнѣ думается, однажды случившееся въ душѣ кладетъ на нее вѣчный отпечатокъ, хотя и не приходитъ всякій разъ намъ на память, точно такъ, же какъ мы знаемъ много вещей, которыхъ не возобновляемъ въ памяти постоянно, если какое нибудь обстоятелство не даетъ къ тому повода и не заставляетъ о томъ думать. Ибо кто можетъ представить себѣ въ памяти все? Но такъ какъ ничего не происходитъ въ природѣ тщетно, и ничто въ ней не погибаетъ, а все стремится къ совершенствованію и зрѣлости, то каждое представленіе, которое наша душа возъимѣла, будетъ составлять, наконецъ, нѣчто цѣлое съ вещами, имѣющими наступить (qui sont à venir), такъ что мы можемъ все видѣть, какъ въ зеркалѣ и извлекать то, что мы находимъ болѣе свойственнымъ для нашего удовлетворенія. Отсюда вытекаетъ, что чѣмъ болѣе мы будемъ упражняться въ добродѣтели и дѣлать добрыхъ дѣлъ, тѣмъ болѣе мы будемъ рады и довольны; ибо, если хорошо разобрать, то все, что случается, такъ хорошо устроено, что мы не могли бы сдѣлать лучше, хотя бы были въ высшей степени подготовлены къ такого рода вещамъ". „Наши души способны къ знанію и управленію, и онѣ дѣлаютъ какъ бы въ маленькомъ мірѣ то, что Богъ

производитъ въ большомъ. Онѣ какъ бы маленькіе Боги, представляющіе собой міры, которые погибнутъ развѣ со вселенной. Какъ и большой міръ онѣ стремятся къ совершенству; міръ есть какъ бы тѣло, которое идетъ безпрепятственно къ своей цѣли, ибо ничто не можетъ помѣшать ему въ немъ самомъ, и нѣтъ ничего внѣ міра, что бы могло ему препятствовать“ [1]).

Бесѣды Лейбница съ женой курфирста Софіей, возбудили въ послѣдней интересъ. Между нею и Лейбницемъ, по выѣздѣ ея изъ Ганновера, завязалась корреспонденція, первое философское письмо которой, отъ 4 ноября 1696 года, посвящено общей характеристикѣ системы. Въ немъ есть нѣсколько важныхъ замѣтокъ. „Мои основныя размышленія, пишетъ Лейбницъ, проистекаютъ изъ двухъ вещей: единства и безконечности. Души—это единства, а тѣла—множества, но безконечныя, такъ что самое маленькое зерно пыли содержитъ міръ безконечныхъ твореній“ [2]). Высказавъ мысль, что души представляютъ міръ то смутно, то раздѣльно, и что, слѣдовательно, знаніе бываетъ двухъ родовъ, Лейбницъ опровергаетъ возраженія противъ того, что міръ постоянно идетъ по пути совершенства. „Можно сказать, пишетъ онъ, что поступательнаго движенія нѣтъ, что оно только кажущееся и что есть много безпорядочныхъ вещей, которыя задерживаютъ прогрессъ, но это только видимость. Нѣчто подобное мы наблюдаемъ, напримѣръ, въ астрономіи. Движеніе планетъ является смутной вещью для насъ, живущихъ на земномъ шарѣ. Кажется, что созвѣздія блуждаютъ и движутся безъ опредѣленнаго плана, то впередъ, то назадъ, кажется даже, что они останавливаются по временамъ. Но когда вмѣстѣ съ Коперникомъ мы перенесемся на солнце и взглянемъ оттуда

---

[1]) Gerh. Phil. Schrif. VII, 540—1.
[2]) Ib. 542.

очами ума, то намъ откроется наилучшій порядокъ. Итакъ, не только все идетъ по порядку, но даже нашъ умъ долженъ его замѣчать болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ дѣлаетъ успѣхи“ [1].

Обзоръ разъясненій, непосредственно относящихся къ первому печатному очерку системы, можно закончить изложенными выдержками.

Для полноты приведемъ нѣсколько строкъ изъ письма Лейбница къ Жилю Биллету, механику и пенсіонеру академіи наукъ въ Парижѣ: въ немъ есть любопытное резюме системы. 4 декабря 1696 Лейбницъ писалъ Биллету: „Моя система, новостью которой вы интересуетесь, не есть полный курсъ философіи, и я нисколько не претендовалъ дать въ ней объясненіе всего того, что претендовали объяснять другіе. Чтобы итти вѣрными шагами, нужно итти постепенно: я начинаю съ принциповъ... Мнѣ думается, что на самомъ дѣлѣ все дѣлается механически въ природѣ и можетъ быть объяснено „дѣйствующими причинами“, но что въ то же время все происходитъ, такъ сказать, морально и можетъ быть объяснено изъ „конечныхъ причинъ“. И вотъ эти два царства—моральное—духовъ и душъ, и механическое—тѣлъ проникаютъ другъ друга и въ совершенствѣ согласуются черезъ посредство творца вещей, который есть въ одно и то же время и первая дѣятельная и послѣдняя конечная причина. Я утверждаю также, что какъ совсѣмъ нѣтъ пустоты въ тѣлахъ, такъ не больше ея и среди душъ, то есть, что души есть вездѣ и что существующія души не могутъ погибнуть. Тѣла суть множества, а души единства, но единства, выражающія и представляющія множество въ себѣ. Всякая душа есть зеркало цѣлаго міра со своей точки зрѣнія. Но духи есть души перваго порядка и высшаго рода, которыя пред-

[1] Ib. 543.

ставляютъ не только міръ, но еще и Бога въ мірѣ. Онѣ не только безсмертны, но всегда сохраняютъ нравственныя качества, какъ граждане республики міра, въ которой есть все, ибо ею правитъ Богъ“ [1]).

Такъ резюмировалъ свою систему Лейбницъ. Не коснувшись вопроса о связи души и тѣла, онъ указалъ Биллету на разъясненіе въ Journal des Scavans, гдѣ приводится извѣстный уже намъ примѣръ согласованія двухъ часовъ.

Общій обзоръ философскихъ идей Лейбница съ 1695 по 1697 г.

Бросимъ теперь общій взглядъ на факты, добытые нами изъ анализа перваго печатнаго очерка системы Лейбница, вызванной имъ полемики и разъясненій. Разберемъ два вопроса: какъ разъяснялъ свою систему Лейбницъ и какова была цѣнность его разъясненій по отношенію къ цѣлому системы, и по отношенію къ историческому значенію его философскихъ трудовъ.

Лейбницъ, какъ мы знаемъ, далъ своей системѣ въ печати двоякое выраженіе: математическое и метафизическое. Въ Specimen dynamicum онъ, главнымъ образомъ, старался установить понятіе свойственной всѣмъ тѣламъ безъ исключенія активной силы, высказать взглядъ на природу тѣлъ; въ Systeme nouveau de la nature, повторивъ мысль своей динамики, что каждый изъ міровъ—тѣлесный и психическій—долженъ изучаться независимо одинъ отъ другого, онъ, главнымъ образомъ, пытался создать понятіе субстанціи, обработавъ важнѣйшее изъ его слѣдствій—рѣшеніе вопроса о связи души и тѣла, такъ называемую предустановленную гар-

[1]) Ib. 451—2.

монію. Изъ этихъ трехъ пунктовъ системы, больше всего потребовалось разъясненій—судя по печатнымъ статьямъ,—на долю предустановленной гармоніи, а затѣмъ на долю понятія единства, составляющаго основное свойство въ понятіи субстанціи, и на долю закона динамики о сохраненіи одного и того же количества направленія. Эти пункты, повидимому, считалъ Лейбницъ самыми трудными, а можетъ быть и самыми важными для публики. Въ цѣломъ его системы они имѣли кардинальное значеніе.

Помимо этихъ кардинальныхъ пунктовъ, éclailsissements Лейбница касались многихъ чрезвычайно интересныхъ частностей. Таковы вопросы о протяженій и числѣ, всеобщемъ одушевленіи, жизни и смерти. Эти вопросы, частью совсѣмъ не затронутые въ „Новой системѣ природы“, были обработаны Лейбницемъ въ перепискѣ, иногда даже въ примѣчаніяхъ къ ней, составленныхъ авторомъ для себя. Главное вниманіе Лейбница привлекалъ вопросъ о понятіи протяженія. Высказавъ мысль, что протяженіе есть отношеніе или порядокъ сосуществованія явленій, Лейбницъ на примѣрѣ числа показалъ, что оно не есть нѣчто химерическое, а представляетъ то, что называется вѣчной истиной разума. Оно идейно и, какъ таковое, едино и цѣлостно. Цѣлое Лейбницъ признавалъ трехъ родовъ: во первыхъ „цѣлое субстанціально“, обусловливаемое такъ называемымъ „истиннымъ единствомъ“; во вторыхъ, „цѣлое идейно“, напр. число, протяженіе, время и, въ третьихъ, „цѣлое реально“, которое является собраніемъ, какъ всякій аггрегатъ, подраздѣлимый до безконечности. Такъ какъ по взгляду Лейбница матерія есть phenomenon bene fundatum, то истинною реальностью обладаетъ лишь цѣлое первыхъ двухъ видовъ. Матерія—это *πρώτερον πρὸς ἡμᾶς*—является *ὕστερον τῇ φύσει*. Зависимость Лейбница отъ Аристотеля ясно высказалась въ этомъ случаѣ, хотя приняла своеобразный оттѣнокъ. Содержащая приведенныя мысли замѣтка къ пись-

му Фуше многое могла бы выяснить публикѣ, попади она своевременно въ печать при жизни Лейбница.

Панпсихизмъ, въ связи съ ученіемъ о безсмертіи души, былъ другимъ вопросомъ, которому Лейбницъ охотно посвящалъ свои разъясненія. Панпсихизмомъ въ виду его оригинальности, интересовались всѣ. Лейбницъ старался дать о немъ лучшее понятіе, приводя на помощь историческія справки, ссылаясь на Пиѳагора и Платона; историческая же ссылка—на Ѳому Аквината—служила Лейбницу и для подтвержденія его ученія о безсмертіи. Любопытно сравнить доказательство безсмертія души въ „Новой системѣ природы“ и въ извѣстіи Лейбница о бесѣдѣ съ Ванъ Гельмонтомъ. Въ печатномъ очеркѣ Лейбницъ говоритъ, что безсмертіе вытекаетъ, какъ слѣдствіе, изъ независимости субстанцій другъ отъ друга, въ письмѣ онъ выводитъ безсмертіе изъ понятія единства: „Единства, пишетъ онъ, совершенно не имѣютъ частей, иначе они были бы множествами, а то, что не имѣетъ частей, не можетъ разрушиться“. Въ первомъ случаѣ причина безсмертія указана, такъ сказать, внѣшняя; во второмъ—внутренняя.

Изъ другихъ идей Лейбница, получившихъ развитіе въ его письмахъ 1695-6 г.г., укажемъ на идею прогресса, ученіе о памяти и небытіи. Совершенство, къ которому стремится міръ, есть для Лейбница нѣчто несомнѣнное; онъ выводилъ его изъ понятія Божества и доказывалъ примѣрами, которыхъ не давалъ въ „Новой системѣ природы“. Память Лейбницъ понималъ, какъ способность вѣчно сохранять однажды полученныя впечатлѣнія. Ничто въ природѣ не погибаетъ, утверждалъ онъ, а разъ это такъ, то небытія нѣтъ. Послѣдняя мысль была брошена Лейбницемъ мимоходомъ, но она поражаетъ своей глубиной. Нельзя перечислить всѣхъ жемчужинъ, которыя оставилъ Лейбницъ потомству въ своей перепискѣ! Имѣя въ виду общій обзоръ философскихъ

добавокъ Лейбница къ его первому печатному очерку, мы можемъ сказать, что Лейбницъ дѣлалъ свои разъясненія по внѣшнимъ поводамъ, несистематически, и что въ цѣломъ его системы нѣкоторыя изъ этихъ разъясненій имѣютъ важное значеніе: яснѣе выражая ранѣе высказанную мысль, они иногда приводятъ къ постановкѣ совершенно новыхъ вопросовъ. Укажемъ на историческую цѣнность разъясненій Лейбница.

Историческая цѣнность полемики и разъясненій на нашъ взглядъ весьма велика. Достаточно посмотрѣть на развитіе, которое получили впослѣдствіи, и даже въ наше время, идеи Лейбница о числѣ, единствѣ души и небытіи. Относительно многихъ авторовъ, можно сказать, что своей славой они въ значительной степени обязаны Лейбницу. Оставленные имъ наброски и замѣчанія они привели въ систему и, подвергнувъ тщательной обработкѣ, представили человѣчеству залогъ тонкаго анализа, ума и искуства. Идея Лейбница о томъ, что небытія нѣтъ, явившаяся слѣдствіемъ общаго его воззрѣнія на природу, которую онъ считалъ одушевленной, была подробно разработана Тейхмюллеромъ [1]), усвоившимъ основной взглядъ Лейбница на міръ, какъ на сообщество безтѣлесныхъ субстанцій; Тейхмюллеръ же посвятилъ свои силы развитію идеи о единствѣ души [2]). Этой мысли Лейбница посчастливилось болѣе другихъ. Она сдѣлалась предметомъ особеннаго вниманія, какъ психологовъ, такъ и философовъ систематиковъ. О ней вскользь упомянулъ Кантъ, [3]); на ней подробно

---

[1]) G. Teichmüller. Die wirkliche und die scheinbare Welt. Breslau. 1882 г. р. 142—181. Порусски смотри изложеніе въ книгѣ Е. Боброва «О понятіи бытія». Казань, 1898 г. стр. 24—45.

[2]) См. книгу Я. Озе. Персонализмъ и проективизмъ въ метафизикѣ Лотце. Юрьевъ, 1896 г., стр. 187, гдѣ указаны всѣ сотвѣтствующія мѣста изъ сочиненій Тейхмюллера.

[3]) Критика чистаго разума. § 16.

останавливался Лотце [1]). Въ русской литературѣ разработкѣ указанныхъ идей Лейбница посвящены труды профессоровъ А. Козлова [2]) и Е. Боброва [3]). Не менѣе плодовиты по своимъ результатамъ были идеи Лейбница о числѣ. Число онъ считалъ „результатомъ отношеній, заключающихъ въ себѣ вѣчныя истины". Оно имѣло для Лейбница идейное существованіе. Такимъ образомъ, различіе идейнаго и реальнаго, которое играетъ такую важную роль въ теоріи бытія Тейхмюллера [4]), было ясно высказано уже Лейбницемъ. Но помимо этого, въ понятіи Лейбница о числѣ implicite заключается мысль, что оно не есть результатъ отвлеченія отъ чувственныхъ предметовъ, не есть абстракція изъ внѣшняго міра. Во внѣшнемъ мірѣ, по Лейбницу, есть только случайныя истины факта, понятіе же числа принадлежитъ къ разряду истинъ вѣчныхъ. Отсюда шагъ до той теоріи по поводу образованіи числа, которую высказалъ въ своей книгѣ проф. Челпановъ [5]), показавшій, что число образуется черезъ отвлеченіе отъ нормъ нашей психики. Современныя ученія не порываютъ связи съ идеями, высказанными Лейбницемъ.

УЧЕТ 1955 г.

[1]) «Das was als Einheit in der Mannigfaltigkeit nicht nur von Andern gedacht wird, sondern sich selbst als solche weiss und geltend macht das ist eben dadurch die wahrste und untheilbarste Einheit» H. Lotze—Metaph, 1884 p. 485. Также Я. Озе. l.l. стр. 128, а въ особенности 412 и слѣд., гдѣ приведено мѣсто—изъ отвѣта Лейбница на критику Бейля—въ параллель съ ученіемъ Лотце и нѣкоторыхъ психологовъ.

[2]) Свое слово. т. II.

[3]) Актъ индивидуальное и координальное. Юрьевъ. 1900. Глава II.

[4]) Die wirkliche und die scheinbare Welt. p. 51—53,

[5]) «Проблема восприятія пространства». Часть II. стр. 227—254. Также Лопатинъ: Положительныя задачи философіи. Часть 2. стр. 61.

Библиотека СССР Академии Наук СССР